

**ГЕРМАН
СМИРНОВ**

**«ДЕЛО ВОЕННЫХ»
1937 ГОДА**

**ЗА ЧТО РАССТРЕЛЯЛИ
ТУХАЧЕВСКОГО**

Великая чистка 1937 года

Герман Смирнов

**«Дело военных» 1937 года. За
что расстреляли Тухачевского**

«Алгоритм»

2007

УДК 94(47+57)"1937"
ББК 63.3(2)62

Смирнов Г. В.

«Дело военных» 1937 года. За что расстреляли
Тухачевского / Г. В. Смирнов — «Алгоритм»,
2007 — (Великая чистка 1937 года)

ISBN 978-5-906842-88-6

Маршал М.Н. Тухачевский, расстрелянный по обвинению в государственной измене в 1937 году, был реабилитирован Хрущевым в 1957 году как «ложно обвиненный» — что добавило путаницы в вопросе о чистке руководящего состава Красной Армии накануне войны. Материалы архивов, собранные Германом Смирновым, проясняют, на основании чего было заведено «дело военных», существовал ли в действительности заговор Тухачевского? Ценность данной книги состоит в том, что она не только предоставляет обширную информацию по «делу военных», но читатель сам может участвовать в историческом расследовании, чтобы составить собственное мнение о заговоре в армии 1937 года.

УДК 94(47+57)"1937"
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-906842-88-6

© Смирнов Г. В., 2007
© Алгоритм, 2007

Содержание

Лукавая реабилитация	6
Борис Викторов	8
Заговор против Тухачевского	17
Тайные нити зловещей интриги	19
Сфабрикованное досье	21
Второй акт драмы	23
Был ли заговор Тухачевского?	26
«Дело тухачевского»: новая версия	34
Прага	34
Париж	34
Москва	35
Прага	36
Как они готовили поражение своей собственной страны	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Герман Смирнов
«Дело военных» 1937 года. За
что расстреляли Тухачевского

© Смирнов Г. В., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

* * *

Лукавая реабилитация

Запретное в 1940-е годы имя маршала Михаила Николаевича Тухачевского, расстрелянного в 1937 г. по обвинению в государственной измене, стало усиленно превозноситься средствами массовой информации с октября 1961 г., после того как на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев впервые обнародовал версию гибели полководца, получившую тогда широкое хождение за границей. Согласно этой версии, Тухачевский и его сподвижники – И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, В. М. Примаков, В. К. Путна и Я. Б. Гамарник – не были изменниками родины, врагами народа и германскими шпионами, как утверждали их обвинители, а пали жертвами гитлеровских спецслужб, сфабриковавших фальшивые документы о существовании «заговора военных» в РККА и подбросивших их И. В. Сталину через чехословацкого президента Э. Бенеша...

Это заявление Хрущева, можно сказать, распахнуло шлюзы гласности в отношении некогда репрессированных военачальников, и в какие-нибудь пять-шесть лет пресса, радио и телевидение в нашей стране создали настоящий культ личности Тухачевского и его подельников.

Тайный смысл этой пропагандистской компании, ведшейся под благородным лозунгом восстановления исторической истины и попорченной справедливости, долгое время оставался скрытым от непосвященных. И лишь с наступлением горбачевской перестройки стало ясно: в начале 1960-х годов Хрущев начал долговременную акцию по искажению истории Великой Отечественной войны. Велась она осторожно, исподволь, не путем открытых нападок, а путем смещения оценок и акцентов, путем непомерного захваливания одних и намеренного замалчивания других. И в этой компании репрессированным в 1937 г. военачальникам отводилось немаловажное место...

В 1969 г., когда вышло в свет первое издание «Воспоминаний и размышлений» маршала Г. К. Жукова, в СССР было издано около десятка биографий Тухачевского, Уборевича, Якира и Гамарника общим тиражом около полутора миллиона экземпляров. А о Жукове, Рокоссовском, Василевском, Коневе и других великих полководцах, выигравших величайшую в истории войну, не было тогда издано ни одной – ни одной! – книги. Больше того, Л. Никулин (Ольконицкий) в своей книге «Тухачевский» уже бросил провокационную мысль о том, что репрессированные военачальники могли бы выиграть эту войну быстрее и с меньшими потерями...

И хотя в 70–80-х годах наряду с книгами о репрессированных красных генералах стали появляться и труды о полководцах Великой Отечественной войны, в общественном сознании репрессированные краскомы, никогда не воевавшие с серьезным противником, уже затмевали действительно выдающихся полководцев, совладавших с врагом невиданной дотоле силы!

Пораженный этим открывшимся мне результатом лукавой хрущевской реабилитации, я начал критически перечитывать панегирические статьи и книги о Тухачевском и с изумлением обнаружил в них массу голословных восхвалений, явных нелепостей, подозрительных умолчаний и искаженных сведений.

Но когда мы с майором Д. Зениным написали статью «Тухачевский: легенды и реальность», в которой указывали на все эти нелепости, многие редакции с негодованием отвергли ее, расценив как попытку бросить тень на память достойного человека. Благодаря решительности главного редактора «Литературной России», ныне покойного Э. Сафонова, статья эта увидела свет в 1990 г. и вызвала шквал возмущенных писем. Их анализ показал: хотя выдумки перестроечных публицистов получили широкое хождение в читательский массе, серьезного обоснования они не имеют и опровергаются без труда.

После публикации статьи «Споры о Тухачевском» («ЛР» № 3, 1991), в которой я честно и подробно ответил на все читательские письма-возражения, фигура Тухачевского в средствах массовой информации как бы отошла в тень. Перестроечная демократическая печать перестала петь ему дифирамбы, так как именно в это время начали публиковаться разоблачительные материалы о неумелых и даже провокационных действиях Тухачевского в польской кампании 1920 г., а также о его зверствах над русскими людьми при подавлении Кронштадтского и Антоновского мятежей. Наконец, в «Военно-историческом журнале» впервые были опубликованы собственноручные показания на допросах самого Тухачевского, где он изложил разработанный заговорщиками план поражения СССР в войне с Германией с такими подробностями, придумать которые было не под силу никакому следователю...

Поскольку все эти материалы рассеяны в сравнительно малодоступных периодических изданиях, у меня возникла мысль собрать их в один сборник, предлагаемый ныне вниманию читателей. Тем из них, кому эта книга покажется односторонней и вызовет раздражение или даже отторжение, рекомендую для чтения панегирические биографии репрессированных военачальников, список которых приведен на последней странице этого сборника.

Герман Смирнов

Борис Виктор

Как мы реабилитировали «заговорщиков»

Записки военного прокурора

Новый 1955 год я встретил в самолете на пути из Новосибирска в Москву. Конечно, беспокоил вопрос: зачем меня, прокурора Западно-Сибирского военного округа, вызвал Генеральный прокурор Союза ССР Р. А. Руденко? Роман Андреевич раскрыл лежавшую на столе папку, я увидел свое личное дело. Он сказал:

— Вы назначаетесь на должность заместителя главного военного прокурора. Надо неотложно сформировать специальную группу военных прокуроров и следователей из тех, кто не имел в прошлом отношения к спецподсудности. Группа должна заняться рассмотрением жалоб и писем по поводу реабилитации необоснованно осужденных, и прежде всего делом о «военно-фашистском заговоре».

* * *

Итак, специальная группа военных прокуроров и следователей Главной военной прокуратуры (ГВП), предназначенная для пересмотра дел по «вновь открывшимся обстоятельствам»... Кто же в нее вошел? Николай Григорьевич Савинич, перед войной окончил Минский юридический институт, участвовал в войне с белофиннами, в Великой Отечественной... Николай Лаврентьевич Кожура, выпускник Военно-юридической академии, положительно зарекомендовал себя на практической работе в должности военного следователя... Их непосредственный начальник — Дмитрий Павлович Терехов, имевший опыт работы не только в органах военной юстиции, но и в центральном партийном аппарате.

Перед нами на столе — уголовное дело по обвинению М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В. М. Примакова и В. К. Путны в преступлениях, предусмотренных статьями 58^{1б}, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР. Все это — особо опасные государственные преступления: измена Родине, шпионаж, террор, создание контрреволюционной организации. Уже по одному перечислению статей Уголовного кодекса можно было судить о тяжести преступлений поименованных на обложке лиц.

Первые страницы дела... Справки на арест: «Органы НКВД располагают данными о враждебной деятельности...» О самой деятельности ничего конкретного... А где санкции прокурора на арест? Нет санкций... Не может быть! Ищем. Убеждаемся, нет! Как же это возможно?... Ведь всего полгода прошло, как была принята новая Конституция!

Продолжаем размышлять: кто же они, заговорщики?... Тухачевский — Маршал Советского Союза, остальные — тоже военачальники высочайшего ранга. Но буквально ничего об их жизненном и боевом пути. Изменники, предатели. И все.

Скажу честно: мы мало что толком знали об этих людях! Гражданской войны, собственно, мы не видели. Потом, когда повзрослели, только и слышали: шла гражданская война, была ожесточенная битва с белогвардейцами, с интервентами, все эти победы принадлежат Иосифу Виссарионовичу Сталину. Среди героев Гражданской войны чаще всего называли Ворошилова и Буденного. Распевали песни о них. Знали, конечно, Чапаева, Щорса, Пархоменко. Вот и все... А эти? Они-то что сделали?

Мои коллеги просмотрели массу документов, книг, газет, журналов, пришел в Главную военную прокуратуру и писатель Лев Никулин, разложил на столе свой архив, сказал:

– С «главарем», маршалом Тухачевским, я был знаком. Хорошо знаю весь его жизненный путь...

Коротко, буквально в нескольких словах, о Тухачевском и его «однодельцах».

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТУХАЧЕВСКИЙ: родился в 1893 г., член большевистской партии с апреля 1918 г., командующий армиями и фронтами в годы гражданской войны, награжден орденами Ленина и Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, до 11 мая 1937 г. первый заместитель наркома обороны СССР, а с 11 мая – командующий войсками Приволжского военного округа, 26 мая 1937 г. арестован.

ИОНА ЭММАНУИЛОВИЧ ЯКИР: родился в 1896 г., член большевистской партии с апреля 1917 г., награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа, командарм 1-го ранга.

ИЕРОНИМ ПЕТРОВИЧ УБОРЕВИЧ: родился в 1896 г., член большевистской партии с апреля 1917 г., награжден тремя орденами Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б) и член ЦИК СССР, командующий войсками Белорусского военного округа, командарм 1-го ранга.

АВГУСТ ИВАНОВИЧ КОРК: родился в 1887 г., член партии с 1927 г., награжден двумя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, начальник Военной Академии имени М. В. Фрунзе, командарм 2-го ранга.

РОБЕРТ ПЕТРОВИЧ ЭЙДЕМАН: родился в 1895 г., член партии с марта 1917 г., награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, член ЦИК СССР, председатель Центрального совета Осоавиахима СССР, комкор.

БОРИС МИРОНОВИЧ ФЕЛЬДМАН: родился в 1890 г., член партии с 1919 г., начальник одного из Главных управлений Красной Армии, комкор.

ВИТАЛИЙ МАРКОВИЧ ПРИМАКОВ: родился в 1897 г., член партии с 1914 г., награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, комкор.

ВИТОВТ КАЗИМИРОВИЧ ПУТНА: родился в 1893 г., член партии с февраля 1917 г., награжден орденами Красного Знамени, военный атташе в Великобритании (по 1936 г.), комкор.

Словом, это были яркие образы настоящих большевиков-ленинцев. Усомниться в преданности этих людей Советской власти, казалось, было совершенно невозможно. Но юристы не могут полагаться на эмоции. Пока же перед нами лежало дело, заключительным документом которого был приговор Специального судебного присутствия, в котором говорилось: все они – враги народа... За справками на арест шли протоколы допросов. В один голос, без каких-либо противоречий все арестованные признали, что занимались вредительством, шпионажем, сорганизовавшись в заговор, ставили своей целью свержение Советской власти.

В итоговом документе – обвинительном заключении – утверждалось:

«Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я. Б. в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии, подготовили на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Далее к делу была приобщена копия сообщения «В Прокуратуре Союза ССР» (опубликовано в печати 11 июня 1937 г.):

«Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путны В. К. расследованием закончено и передано в суд...»

Вот что сразу обратило на себя внимание: несоответствие дат арестов с датами первых допросов, которые были учинены спустя несколько дней. Не могло же быть так, чтобы арестованных не допрашивали? Предполагали, что допросы велись, но показания не устраивали тех, кто возбудил это дело. Показания, безусловно, были нужны, но какие? Только и только признательные. Получить их надо было любой ценой...

Мы заметили на нескольких страницах протокола серо-бурые пятна... Такие пятна оставляют капли крови... Может быть, это тоже кровь? Проконсультировавшись со специалистами, назначили судебно-химическую экспертизу... Оказалось, действительно кровь.

Все очевиднее становилась необходимость испросить у следователей разъяснений по всем этим вопросам. Но где они, эти следователи? Ведь прошло почти двадцать лет. Сотрудники ГВП занялись их розыском...

* * *

Но вернемся пока к материалам. Вот стенограмма-протокол заседания Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР. Состоялось оно 11 июня 1937 г. и началось в 9 часов утра.

Председательствовал армвоенюрист В. В. Ульрих. Подсудимым разъяснили: дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г. Это означало: участие защитника в судебном процессе исключается, приговор окончательный и обжалованию не подлежит...

Стенограмма состояла всего из нескольких страниц. Это свидетельствовало о примитивности разбирательства со столь тяжкими и многочисленными обвинениями. Да и тот факт, что весь «процесс» длился один день, говорил сам за себя. Пересказать все содержимое стенограммы нет необходимости. Чтобы лучше представить себе, какие показания давали подсудимые по тому или иному пункту обвинений, их сгруппировали. И вот что получилось.

Тухачевский прежде всего заявил: «У меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к Отечеству, которое с Гражданской войны защищал... Что же касается встреч, бесед с представителями немецкого Генерального штаба, их военного атташата в СССР, то они были, носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащением. Но все это имело место до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились...»

Аналогичные показания дали Уборевич, Корк, Фельдман, Якир, Путна. Кроме того, Якир учился в 1929 г. в академии генерального штаба Германии, читал там лекции о Красной Армии, а Корк некоторое время исполнял обязанности военного атташе в Германии.

Какие же именно виды военной техники или сведения разгласили подсудимые и действительно ли они составляли военную тайну? Ответа в деле не оказалось. Да его тогда и не искали...

Выяснялся на суде и такой вопрос: разделяли ли подсудимые взгляды лидеров троцкизма, правых оппортунистов, их платформы? На этот вопрос Тухачевский ответил: «Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых».

Это утверждение никем не было опровергнуто. Путна же признал «наличие связей» со Смирновым И. Н., Фельдман – с Пятаковым.

Однако никакой ясности в характер этих связей внесено не было. Суду сообщалось, что эти люди высказались против политики нашей партии и намекали на возможное сотрудничество их оппозиций с военными, но оно не состоялось...

Другое тяжкое обвинение – вредительство по ослаблению мощи Красной Армии. По поводу этого пункта обвинения Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич разъяснили, что да, замедлялись темпы строительства военных объектов, реконструкции железнодорожных узлов, формирования воздушно-десантных частей и т. д. Да, было немало недостатков и упущений в боевой подготовке войск, в чем они признавали свою ответственность.

В то же время Тухачевский заявил следующее: «Если бы немного поднажали и дополнительные средства дали, то я считаю, что нет никаких в этом затруднений, наше положение чрезвычайно сильно выиграет и мы польско-германский блок можем поразить».

Как вредительство со стороны Тухачевского и активно поддерживающих его Уборевича и Якира расценивалось их настойчивое отстаивание концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию. С резким осуждением такой концепции выступил на суде С. М. Буденный. И другие члены присутствия задавали подсудимым вопросы, пытаясь изобличить их в предательстве интересов Красной Армии: и Блюхер, и Белов, в особенности Алкснис, добиваясь, например, от Корка ответа на вопрос по поводу передачи сведений представителям немецкого генерального штаба о войсках Московского военного округа. Корк отвечал, что неоднократно встречался с немцами на дипломатических приемах, вел разговоры, но сообщал сведения, которые можно было давать. Ульрих неизменно спрашивал: «Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД?» Когда Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич пытались что-то разъяснить, Ульрих обрывал: «Вы не читайте лекций, а давайте показания». Однако подсудимые продолжали утверждать, что они правы, что будущая война будет войной моторов...

Наконец, выяснился вопрос: был ли у подсудимых сговор по поводу отстранения К. Е. Ворошилова от руководства Красной Армией? Тухачевский, Уборевич, Корк, Путья признали, что разговоры об отстранении Ворошилова между ними велись. Уборевич уточнил: когда решили поставить в правительстве вопрос о Ворошилове, то «нападать на Ворошилова по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что крепко выступит против Ворошилова».

Почему хотели выступить против Ворошилова? Какие ошибки и упущения могли быть поставлены в вину наркомму? На суде этого не выясняли. Намерение же подсудимых обратиться в правительство расценили как вынашивание террористических намерений в отношении товарища Ворошилова.

Теперь о «последнем слове» подсудимых. Все они, за исключением Примакова, заявили о своей преданности делу революции, Красной Армии, лично товарищу Сталину. Просили о снисхождении... Раскаивались, если в чем-то и были виноваты.

«Последнее слово» Примакова оказалось, по сути, обвинительной речью в адрес всех остальных подсудимых. Он заявил:

«Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один – ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того,

чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек-заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого персонально есть семьи за границей. У Якира – родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича – в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман связан с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»

Откровенно говоря, в ГВП были поражены. Что мы знали о Примакове? Родился в бедной крестьянской семье на Украине. В юношеском возрасте включился в борьбу с самодержавием. Испытал пытки в царских застенках, прошел несправедливое судилище, все тяготы ссылки. Отважный кавалерист, командовал славным кавкорпусом Червонных казаков, о котором сложены песни, как о коннице Буденного. Примаков и Буденный соперничали в славе... Немаловажное обстоятельство – Примакова арестовали на год раньше Тухачевского. Все это время с ним «работали». Что же, выходит, подавили за год волю? Стал человек послушным?... На эти пока неясные вопросы нужны были точные ответы.

* * *

К работе Главной военной прокуратуры подключились сотрудники Комитета государственной безопасности, к тому времени значительно обновленного. Совместное расследование углублялось в следующем направлении: а были ли какие-либо материалы до возникновения дела о «военно-фашистском заговоре»?

В одном из старых дел обнаружили показания двух офицеров, служивших в прошлом в царской армии, которые вдохновителем деятельности их антисоветской организации называли... Тухачевского. Оказалось, что копии протоколов этих допросов были препровождены Сталину и доложены ему. Сталин направил их г. К. Орджоникидзе с такой запиской: «Прошу ознакомиться. Поскольку это не исключено, то это возможно».

Следов реагирования Орджоникидзе на эту записку мы не нашли. Но предположили, что Орджоникидзе отнесся к этим заявлениям как к клевете. Он хорошо знал Тухачевского, знал, что тот ни к каким оппозициям не примыкает, постоянно повышается в должностях. Однако тень подозрения все же сохранилась... Еще раньше в Наркомат по военным и морским делам поступила информация секретаря парткома Западного военного округа, в которой Тухачевский обвинялся в неправильном отношении к коммунистам, подчиненным и даже в аморальном поведении. М. В. Фрунзе наложил на информацию резолюцию: «Партия верила тов. Тухачевскому, верит и будет верить». Однако донос был сохранен, и наблюдательное производство на Тухачевского, как видим, пополнялось.

В нем хранилась и записка из показаний арестованного комбрига Медведева, исключенного из партии за принадлежность к троцкизму. Медведев заявил, что ему еще в 1931 г., стало «известно» о существовании в центральных управлениях РККА контрреволюционной троцкистской организации.

Это показание Медведев дал 8 мая 1937 г., а 13 мая 1937 г., по указанию наркома внутренних дел Ежова был арестован ближайший соратник Дзержинского Артур Христианович Артузов – один из руководящих работников НКВД. На одном из допросов Артузов «показал», что в 1930-е годы в поступившей из Германии информации сообщалось, что в Красной Армии готовится заговор, возглавляет его генерал Тургуев. Артузов разъяснил следователю, что проведенный тогда же проверкой было выяснено, что под фамилией Тургуев в 1931 г. в Германию ездил Тухачевский. Об этой информации Артузов доложил предшественнику Ежова Ягоде. Тот заявил: «Это несерьезный материал, сдайте его в архив».

Вот об этом-то показании Артузова и доложили Ежову. А дальше события развивались таким образом: Тухачевский был арестован. Одновременно арестовали тех, кого потом отнесли к числу организаторов «военно-фашистского заговора». В невероятно короткие сроки бригада следователей провела предварительное расследование.

Удалось выяснить, и как в те годы НКВД вообще вело следствие, и, в частности, как оно началось и продолжалось по делу Тухачевского.

Привлеченный в 1950-е годы к ответственности бывший следователь центрального аппарата НКВД Шнейдеман дал такие пояснения:

«Авторитет Ежова в органах НКВД был настолько велик, что я, как и другие работники, не сомневался в виновности лица, арестованного по личному указанию Ежова, хотя никаких компрометирующих данное лицо материалов следователь не имел. Я был убежден в виновности такого лица еще до его допроса и потому на допросе стремился любым путем добиться от этого лица признательных показаний».

Просмотрели дело другого осужденного – следователя Радзивиловского. Вот его собственноручные показания:

«Я работал в УНКВД Московской области. Меня вызвал Фриновский и поинтересовался: проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные? Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева, занимавшего большую должность в Генштабе, уволенного из армии и исключенного из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Фриновский дал мне задание: «Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслугу Ежова перед ЦК». Я принял задание к исполнению. Не сразу, конечно, но я добился от Медведева требуемых показаний о наличии в РККА заговора и о его руководителях. О полученных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев заявил Ежову, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть Медведева любыми способами к прежним показаниям, что и было сделано, а его заявление об отказе не фиксировать. Протокол же с показаниями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен Ежовым в ЦК. После этого последовали аресты Тухачевского и других заговорщиков... Не пытаюсь полностью снять с себя вину, но хочу, чтобы знали о той обстановке, в которой пришлось работать... Был у нас банкет по поводу награждения большой группы чекистов. Ежов в своем выступлении сказал следующее: «Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания». Иначе я поступать не мог...»

Используя показания Медведева, арестовали Б. М. Фельдмана. Допрашивать его поручили следователю по особо важным делам Ушакову (он же – Ушиминский). В своем объяснении Ушаков позднее писал:

«Арестованный Фельдман категорически отрицал какое-либо участие в каком-либо заговоре, тем более против Ворошилова. Он сослался на то, что Климент Ефремович учил, воспитывал и растил его. Я взял личное дело Фельдмана и в результате его изучения пришел к выводу, что Фельдман связан личной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом крупных командиров. Я понял, что Фельдмана надо связать по заговору с Тухачевским. Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним в кабинете, и к вечеру 19 мая Фельдман написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других».

В том же объяснении Ушаков высказал обвинение в адрес следователя Глебова, который стал сбивать Якира на отказ от показаний.

«Я, – пишет Ушаков, – восстановил Якира. Вернул его к прежним признательным показаниям, а Глебов был отстранен от дальнейшего участия в следствии... Мне дали допрашивать Тухачевского, который уже 26 мая сознался... Я буквально с первых дней работы поставил диагноз о существовании в РККА и флоте военно-троцкистской организации, раз-

работал четкий план ее вскрытия и первым получил такое показание от бывшего командующего Каспийской военной флотилии Закупнева... Я также уверенно шел на Эйдемана и тут также не ошибся...»

Дальше Ушаков перечисляет другие свои «заслуги». А ведь таких следователей-преступников, как Ушаков, оказалось немало... Продолжая поиск, мы вышли на одного, здравствовавшего и преуспевающего в служебной карьере, но работавшего в другой, как говорится, системе. Вызвали для объяснений (не называю его фамилию, поскольку написал он правдивые объяснения). Вот выдержки:

«Примаков сидел как активный троцкист. Потом его дали мне. Я стал добиваться от него показаний о заговоре. Он не давал. Тогда его лично допросил Ежов, и Примаков дал развернутые показания о себе и о всех других организаторах заговора. Перед тем как везти подсудимых на еуд, мы все, принимавшие в следствии участие, получили указание от руководства побеседовать с подследственными и убедить их, чтобы в суде они подтвердили показания, данные на следствии. Я лично беседовал с Примаковым. Он обещал подтвердить свои показания. Кроме охраны, арестованных сопровождали и мы – следователи. Каждый из подсудимых со своим следователем сидел отдельно от других. Я внушал Примакову, что признание его в суде облегчит его участь. Таково было указание руководства...»

В связи с истечением срока давности этого следователя нельзя было привлечь к уголовной ответственности. Но он был строго наказан: лишен воинского звания генерала и привлечен к партийной ответственности.

* * *

Итак, руководили теми следователями лично Ежов и Фриновский. Оба они, как известно, тоже были арестованы в 1938 г. и осуждены. Вот какие показания они давали в свое время в суде.

Фриновский: «Ежов требовал от меня подбирать таких следователей, которые были бы или полностью связаны с нами или за которыми были бы какие-либо грехи и они знали, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках... Помоему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные. Знало ли руководство наркомата, то есть я и Ежов? Знали и поощряли. Как реагировали? Я, честно, никак, а Ежов даже это поощрял...»

Ежов не опроверг этого. Он объяснил в суде:

«Порядок рассмотрения дел был до крайности упрощен. Он был проще и в этом смысле даже бесконтрольнее, чем по обычным уголовным делам... Прокуратура СССР не могла, конечно, не замечать всех этих извращений. Поведение Прокуратуры СССР, и в частности прокурора СССР Вышинского, я объясняю той же боязнью посориться с НКВД и показать себя не менее «революционным» в смысле проведения репрессий. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за этими делами и отсутствие протестов на действие НКВД в правительство...»

Ссылкой на Прокуратуру СССР и на Вышинского Ежов, несомненно, рассчитывал на смягчение своей участи. Что касается «боязни НКВД», то ее ведь насаждал не кто другой, как сам Ежов.

Познакомились мы и с приказом наркома обороны СССР Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 г. В приказе сообщалось:

«С 1 по 4 июня с. г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным комиссариатом внутренних дел предательской контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи

строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую, подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии.

11 июня 1937 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР признало всех подсудимых «виновными в нарушении воинского долга (присяги), измене Рабоче-Крестьянской Армии, измене Родине и постановило: всех подсудимых лишить воинских званий; подсудимого Тухачевского – звания Маршал Советского Союза и приговорить всех к высшей мере наказания – расстрелу».

12 июня 1937 г. приговор привели в исполнение.

Спустя четыре дня расстреляли и комбрига Медведева. В его деле, кроме так называемых признательных показаний в том, что он разделял взгляды троцкистов, никаких других «доказательств» не было. А в Военной коллегии, которая под председательством того же Ульриха рассматривала его дело, Медведев вообще виновным себя в контрреволюционных преступлениях не признал. О заговоре в Красной Армии заявил, что вынужденно дал ложные показания. Тем не менее неправосудный приговор был вынесен.

* * *

И все-таки следы прокурорского «надзора» за следствием по делу о военно-фашистском заговоре мы обнаружили. Вот каким оно было по объяснению тогдашнего помощника главного военного прокурора Субоцкого:

«Вышинский предложил участвовать с ним в допросе Тухачевского и других арестованных.... Я сказал, что дела не знал, с ним мне не дали познакомиться. Вышинский ответил: «Допрашивать я буду сам, а вы будете фиксировать».

Допрос всех восьми арестованных длился всего два – два с половиной часа. Показания были предельно краткими: «Признаем, что виновны, жалоб не имеем...» Но ведь жалобы были... Шли они в адрес Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Маленкова. Знакомая с ними, те, к кому обращались арестованные, накладывали на них циничные резолюции. Некоторые из этих фактов были преданы гласности на XXII съезде КПСС.

Новое расследование по делу Тухачевского подходило к концу. На заключительной стадии в ГВП получили отзывы ряда крупных военачальников, приобретших опыт крупных сражений в ходе Великой Отечественной войны.

Они были единодушны в том, что разработанные Тухачевским и его соратниками и отработываемые уже в 1930-е годы на маневрах основы ведения крупных боевых операций в условиях «машинной войны» были по достоинству оценены, применены и развиты. Они сожалели, что с осуждением Тухачевского этот процесс укрепления боевой мощи Красной Армии был безусловно замедлен. Вспоминали, что перед самой войной Сталин был вынужден в своем выступлении перед руководящим составом армии признать, что мы недооцениваем роль механизированных и моторизованных армий, допускаем медлительность и ошибки в формировании соединений, оснащенных достаточным количеством танков.

К сожалению, прозрение пришло слишком поздно, и нашему народу пришлось героическими усилиями наверстывать упущенное как в армии, так и в военной промышленности.

Сразу же после раскрытия в РККА «военно-фашистского заговора» во главе с маршалом Тухачевским в центральном аппарате Наркомата обороны, а затем повсеместно в войсках и на флотах развернулась работа по разоблачению участников заговора и причастных к нему лиц.

Это превратилось в широкую кампанию, подогреваемую призывами к повышению политической бдительности. Дело дошло до того, что не могло быть ни одной воинской части, в которой не было бы хоть одного заговорщика. Нетрудно догадаться, каких масштабов достигали репрессии.

В ГВП, естественно, изучили все, что давало возможность узнать побольше о самом «заговоре» в Красной Армии, как осуществлялись практические шаги по его «ликвидации». Только с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов, все командующие войсками военных округов, члены Военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних учебных заведений. Последствия этой «кампании» для Вооруженных Сил и для страны сказались очень скоро. И они хорошо всем известны.

Вскоре после разгрома гитлеровской Германии на Западе появилось множество книг, в которых на основе захваченных секретных документов рассказывалось о том, как в недрах немецких разведывательных органов были состряпаны документы, предназначенные для того, чтобы скомпрометировать высшее советское военное командование. Эти труды были тоже внимательно изучены.

...Окончательно убедившись, что обвинение Тухачевского и других военачальников в тяжких государственных преступлениях было необоснованным, а осуждение неправо- судным, Главная военная прокуратура доложила свое заключение Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко. Вскоре от него последовало указание подготовить протест на постановление Специального судебного присутствия.

31 января 1957 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР по заключению Генерального прокурора отменила приговор от 11 июня 1937 г., делопроизводство прекратила за отсутствием состава преступления, все проходившие по делу об участниках «антисоветской троцкистской военной организации» были полностью реабилитированы. 27 февраля 1957 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС восстановил их в партии.

«Правда», 29 апреля 1988 г.

Пауль Карелл

Заговор против Тухачевского

Прошло более 30 лет с тех пор, как Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор участникам так называемой антисоветской троцкистской военной организации во главе с маршалом Тухачевским и все проходившие по этому делу были реабилитированы. Однако и сегодня мы, взглядываясь в прошлое, пытаюсь разобраться в событиях, скрытых пресловутыми «белыми пятнами», задаемся снова и снова вопросом: как могло случиться, что накануне самой страшной мировой войны Советский Союз фактически остался без командных кадров? Сегодня мы публикуем отрывки из книги немецкого историка, излагающего распространенные на Западе версии «дела» Тухачевского.

* * *

В апреле 1945 г., когда советские войска вступили в Ораниенбург, Потсдам, Хеннигсдорф и Гросбеерен, падение Берлина было предрешиено. Но в 1941 г. немецкие войска тоже стояли у ворот советской столицы и тем не менее потерпели поражение. Почему?

Как русские объясняют «чудо» под Москвой? Их ответ прост: мы победили, потому что обязаны были победить. Мы сражались лучше и были сильнее, потому что большевизм лучше и сильнее всех других систем.

Но как же тогда объяснить победоносное немецкое продвижение вплоть до ворот Москвы? Как объяснить тот факт, что даже Сталин испытывал сомнения относительно возможности удержать Москву?

Никита Хрущев пытался устранить это противоречие на XXII съезде КПСС в Москве в октябре 1961 г. Впрочем, среди военных уже давно ходило объяснение того, почему в первые месяцы войны русские терпели поражение, но официально оно еще никогда не звучало: немцам удалось в 1941 г. подойти к Москве, потому что Сталин лишил офицерский корпус Красной Армии лучших кадров своими безумными репрессиями в 1937–1938 годах, потому что эти казни, аресты и преследования якобы изменивших делу партии командиров почти полностью лишили войска командного состава и дезорганизовали Красную Армию.

Это примечательная версия. Сталина уже обвиняли в том, что своими просчетами он предоставил Гитлеру преимущество внезапного удара, теперь на него возлагали ответственность за поражения первых месяцев войны. Имеются ли тому веские исторические доказательства?

Согласно надежным сведениям, Сталин в ходе репрессий 1937–1938 годов уничтожил до 35 тысяч командиров Красной Армии. Поэтому изложенная выше версия вполне реальна. Если ликвидировать своих маршалов, генералов и офицеров, то не следует затем удивляться, что армия утратит боеспособность.

Устранить офицера Генерального штаба – все равно что свалить дерево: требуется в среднем от 8 до 10 лет, чтобы подготовить майора Генштаба, который мог бы организовать снабжение дивизии или руководить ее боевыми действиями. Но по приказу Сталина была ликвидирована или брошена в тюрьмы почти половина офицеров Генерального штаба Красной Армии.

Но почему диктатор подверг почти половину офицерского корпуса Красной Армии репрессиям? Почему он приказал палачам ликвидировать до 80 % высшего офицерского состава? Почему 3 из 5 маршалов, 13 из 15 командармов, 57 из 85 командиров корпусов, 110 из 195 командиров дивизий, 220 из 406 комбригов, а также все командующие военными округами должны были погибнуть от пули агентов НКВД?

Сенсационный ответ Хрущева на XXII съезде КПСС гласил: десятки тысяч офицеров, подвергшихся репрессиям по обвинению в государственной измене и антипартийной деятельности, были ни в чем не повинными людьми, ни один из них не был врагом народа и партии, не пытался свергнуть правительство и не состоял на службе у немецкой разведки, как это утверждал Сталин. Нет, «дело офицеров» было подстроено Гитлером. Через свою разведывательную службу он подбросил Сталину сфабрикованные документы – «доказательства» заговора, возглавляемого маршалом Тухачевским и другими видными военными руководителями, а также их сотрудничества с вермахтом. Хрущев заявил:

«Здесь с чувством боли говорили о многих видных партийных и государственных деятелях, которые безвинно погибли. Жертвами репрессий стали такие видные военачальники, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Егоров, Эйдеман и другие. Это были заслуженные люди нашей армии, особенно Тухачевский, Якир и Уборевич, они были видными полководцами. А позже были репрессированы Блюхер и другие видные военачальники.

Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого генерального штаба. Этот «документ», якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, переслал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены.

Было уничтожено и много замечательных политических работников Красной Армии».

Хотя как премьер и политический лидер Хрущев имел в своем распоряжении все архивы и документы, он не привел никаких доказательств в поддержку своего заявления, сославшись лишь на зарубежную печать.

Тайные нити зловещей интриги

Несомненно, несмотря на свой сенсационный характер, его заявление не является чем-то новым.

В 1950-х и 1960-х годах сведения об этой сенсационной истории неоднократно появлялись в печати. Президент Чехословакии Бенеш, умерший в 1948 г., и Уинстон Черчилль упоминают о ней в своих мемуарах, так же как и двое из руководящих сотрудников секретной службы безопасности Гиммлера: Вильгельм Хеттль (он же Вальтер Хаген) и Вальтер Шелленберг. Эти отрывочные сведения, а также достойные доверия информации немецких и чехословацких дипломатов, датируемые 1936 и 1937 годами, складываются в единую картину, дающую представление о зловещей игре в духе Маккиавелли, перенесенной в наш век. Эта интрига, вероятно, не столь проста, как изложил ее Хрущев или как ее преподносили Бенеш и Черчилль и подручные Гиммлера.

У. Черчилль в своих мемуарах писал: «Отношения между Советской Россией и Чехословакией как государством и лично с президентом Бенешем носили характер доверительной и прочной дружбы. Корни ее лежали как в известной национальной близости, так и в сравнительно недавних событиях, заслуживающих краткого упоминания. Когда президент Бенеш посетил меня в Марракеше в январе 1944 г., он рассказал, что в 1935 г. Гитлер сделал ему предложение, что будет при любых обстоятельствах уважать целостность Чехословакии в обмен на гарантию, что Чехословакия останется нейтральной в случае германо-французской войны.

Когда Бенеш сослался на обязательства по франко-чехословацкому договору, немецкий посол ответил, что необходимости денонсировать договор нет. Достаточно не выполнить его, если и когда наступит время, – достаточно не проводить мобилизацию и не начинать военные действия.

Маленькая республика не могла позволить себе роскошь возмутиться подобным предложением.

Поэтому Чехословакия уклонилась от ответа и предпочла отмолчаться. Осенью 1936 года Бенешу из высокопоставленного военного источника в Германии передали сообщение, что если он хочет воспользоваться предложением Гитлера, то должен спешить, потому что в скором времени в России произойдут события, которые сделают несущественной его возможную помощь Германии.

Пока Бенеш размышлял над этим тревожным намеком, он узнал, что через советское посольство в Праге ведется обмен сообщениями между важными лицами в России и немецким правительством. Это была часть так называемого заговора военных и старой коммунистической гвардии с целью свергнуть Сталина и создать новое правительство, проводящее прогерманскую политику. Бенеш немедленно сообщил все, что он мог узнать, Сталину».

Несомненно, однако, что тайные нити этой интриги заслуживают того, чтобы разобратся в них. В конце концов, дело Тухачевского было одним из наиболее драматических событий современной истории и имело роковые последствия.

В этой драме участвовали многие лица... Гиммлер и Гейдрих появились лишь в финальном акте, который начался в середине декабря 1936 г.

16 декабря в Париже бывший царский генерал Скоблин передал представителю немецкой разведывательной службы два сообщения.

Первое: командование Красной Армии готовит заговор против Сталина. Во главе заговора стоит маршал Тухачевский.

Второе: Тухачевский и его ближайшие соратники находятся в контакте с ведущими генералами немецкого верховного командования и немецкой разведывательной службы.

Это было сенсационным сообщением. Названный в качестве руководителя заговора человек был первым заместителем наркома обороны, бывшим начальником Штаба РККА, маршалом, одним из самых способных и выдающихся военачальников Советского Союза. Родившийся в дворянской семье, выпускник царской академии, участник Первой мировой войны, Михаил Тухачевский после революции перешел на сторону Советской власти. В 1920 г. командовал фронтом и нанес поражение войскам генерала Деникина. Тухачевский символизировал собой набиравшую мощь Красную Армию. Он был широко известен как один из прославленных героев гражданской войны, спасителей Красной революции.

Гейдрих, расчетливый холодный человек, мастер политических интриг, мгновенно оценил возможности полученной из Парижа информации. Если донесение Скоблина было достоверным, то Советский Союз мог превратиться в военную диктатуру во главе с исключительно способным организатором и стратегом, «красным Наполеоном». Едва ли это отвечало бы интересам гитлеровской Германии.

Сфабрикованное досье

Нет никакого сомнения, что Гейдрих тут же обсудил эту информацию с Гитлером и убедился в том, что фюрер с ним согласен. В этих обстоятельствах не было ничего более естественного, чем позволить «информации из Парижа» попасть в руки Сталина и тем самым передать наиболее способного советского военачальника вместе с его сторонниками в руки следственных органов.

Правда, Янке, сотрудник аппарата Гейдриха, был против. Скоблин, указывал он, имел контакты с советскими спецслужбами, и, следовательно, нельзя исключать, что Кремль сам подбросил эти сведения царскому генералу в Париже. С какой целью? Ну, например, для того, чтобы заставить Гитлера подозревать собственных генералов. Или для того, чтобы заманить немецкую разведку в ловушку и подтолкнуть руководство Германии к принятию ошибочных решений...

Но Гейдрих посадил Янке под домашний арест и приступил к реализации своего плана. По его указанию секретная служба предприняла ряд шагов, свидетельствовавших о его даре плести интриги. С холодной улыбкой он поучал своего приятеля штандартенфюрера СС Беренса: «Даже если Сталин хотел просто ввести нас в заблуждение этой информацией Скоблина, я снабжу дядюшку в Кремле достаточными доказательствами того, что его ложь — это чистая правда».

Он приказал своим агентам тайно проникнуть в секретные архивы верховного командования вермахта и изъять досье Тухачевского. В этом досье хранились документы «Спецотдела К», закамуфлированной организации рейхсвера, которая существовала в период 1923–1933 годов под названием Ассоциация содействия торговому предпринимательству и имела дела с Россией. Она входила в состав управления вооружений и занималась вопросами производства оружия и боеприпасов, запрещенных Версальским договором.

Германия проиграла в Первой мировой войне. Но и Россия не была среди победивших держав. Как и ее бывший противник Германия, она находилась в изоляции от остального мира, хотя и по другой причине: Октябрьская революция и создание коммунистического Советского государства дали стимул образованию коалиции капиталистических стран с целью свергнуть большевиков — сначала путем военной интервенции, потом — экономического давления.

Общая оппозиция по отношению к западным державам послужила для двух стран причиной альянса. Логично, что начался он с экономической области; и его первым результатом стал Раппальский договор. Хотя иногда говорят, что он содержал ряд секретных статей военного характера, это не соответствует действительности. Однако логическим развитием отношений было заключение дальнейших соглашений.

Что касается военной области, то Советы были заинтересованы, чтобы с пользой для своих молодых вооруженных сил использовать опыт германских офицеров, а также с германской помощью перестроить порядком устаревшую военную промышленность. Со своей стороны, рейхсвер нуждался в новых вооружениях и в территории для их испытаний.

Изъятое теперь досье «Спецотдела К» содержало записи бесед между немецкими офицерами и представителями советского командования, в том числе Тухачевским, который в 1925–1928 годах был начальником Штаба РККА. (Во время процесса над ним в 1937 г. Михаил Николаевич Тухачевский говорил: «...Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташата в СССР, то они были, носили официальный характер... Но все это имело место до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились». — *Ред.*)

Гейдрих приказал фальсифицировать это досье: в записи бесед и переписку были включены дополнительные фразы, добавлены новые письма и ноты, так что в конце получилось солидное досье с «подлинными» документами и печатями, вполне убедительное, чтобы передать любого генерала в любой стране в руки военного трибунала по обвинению в государственной измене.

В подвалах гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе Гейдрих с одобрением изучил работу своих специалистов. Первая часть операции была завершена. Следующий шаг – как сделать, чтобы досье попало к Сталину?

Подделать и придать ему достоверный вид – не особенно трудная задача для экспертов любой разведывательной службы. Но доставить этот документ по нужному адресу, не вызвав подозрений, – вот настоящая проблема, особенно если адресат – Иосиф Сталин. Но Гейдрих решил эту задачу.

В 1936 г. министерство иностранных дел Германии через чехословацкого посланника в Берлине время от времени пыталось выяснить позицию Чехословакии на случай войны между Германией и Францией.

Этим и решил воспользоваться Гейдрих. В конце января 1937 г. (об этом пишет в своих мемуарах Бенеш) чехословацкий посланник в Берлине Маетны направил в Прагу зашифрованную телеграмму, в которой сообщил, что бывший с ним в контакте немецкий дипломат, к его крайнему удивлению, внезапно утратил интерес к предмету их бесед. Из отдельных высказываний и намеков дипломата Маетны понял, что немцы поддерживают контакт с некой антисталинской группировкой в Красной Армии, Берлин явно ожидает смену правительства в Москве, которая приведет к изменению расстановки сил в Европе в пользу нацистской Германии.

Президент Бенеш серьезно встревожился перспективой утраты поддержки Советского Союза против Германии. Чехословакия с ее взрывоопасной проблемой судетских немцев была продуктом Версальского договора, ликвидацию которого Гитлер провозгласил в качестве своей цели. Если бы Россия оказалась на его стороне, ему ничто не смогло бы помешать.

Бенеш, естественно, сразу же пригласил к себе советского посла в Праге С. Александровского и ознакомил его с содержанием сообщения Маетны: заговор генералов против Сталина. К нему причастны Гитлер и немецкие генералы.

Посол, внимательно выслушав это сообщение, спешно вернулся в посольство и сразу же вылетел в Москву. Информация, подброшенная Гейдрихом, попала к адресату.

Но Гейдрих был предусмотрителен. Он не ограничился «почтальоном» в Праге, но действовал, исходя из здравого принципа, что стоящее дело заслуживает того, чтобы его сделать хорошо. Поэтому он подкрепил свой ход в Праге ходом в Париже.

Второй акт драмы

На дипломатическом приеме в Париже через два-три дня после беседы между Бенешем и Александровским Эдуард Даладье любезно взял под руку советского посла Владимира Потемкина и отвел его к нише у окна. Быстро оглянувшись, чтобы убедиться, не подслушивает ли их кто-нибудь, Даладье с тревогой в голосе сказал Потемкину, что Франция обеспокоена. Имеются сведения о возможной перемене политического курса в Москве. Ходят слухи о договоренности между нацистским вермахтом и Красной Армией. Не может ли Его Превосходительство рассеять эти тревоги? Лицо Потемкина оставалось невозмутимым. Отделавшись несколькими ничего не значащими фразами, он через десять минут покинул прием, вернулся в посольство и направил срочную шифровку в Москву, содержащую информацию о беседе с Даладье.

Как Гейдриху удалось подsunуть эту информацию Даладье, сейчас уже невозможно установить точно. Вероятнее всего, у немцев был контакт с агентом Второго бюро – французской разведывательной службы – во французском посольстве в Москве.

После этих подготовительных шагов Гейдрих инсценировал второй акт драмы. Он направил своего особо доверенного представителя штандартенфюрера СС Беренса в Прагу, где тот вступил в контакт с личным представителем президента Чехословакии и сообщил ему о существовании документов, содержащих улики против Тухачевского.

Узнав об этом, Бенеш тут же информировал Сталина. Вскоре посредник Бенеша предложил представителю Гейдриха вступить в контакт с сотрудником (Советского посольства в Берлине по фамилии Израйлович. Такая встреча состоялась. Человек Гейдриха показал два подлинных письма из фальсифицированного досье. Израйлович, как принято, прикинулся равнодушным. Он поинтересовался стоимостью досье. Беренс пожал плечами. Израйлович обещал через неделю встретиться с ним и с уполномоченным лицом...

Повторная встреча состоялась. «Уполномоченным лицом» оказался представитель Ежова, шефа советской секретной службы (наркома внутренних дел. – *Ред.*). Он тоже спросил, сколько стоит досье. Чтобы у русских не возникло подозрений, Гейдрих приказал назвать фантастическую сумму в 3 миллиона рублей. «Но если они будут настаивать, вы можете сбавить цену»... – предупредил он Беренса.

Однако торговаться не пришлось. Представитель Ежова после беглого ознакомления с документами молча кивнул головой, когда Беренс назвал сумму. Ни за один план военных операций, ни за какую измену или предательство в истории секретных служб никогда не платили такую высокую цену.

(В своих мемуарах один из ведущих руководителей нацистской разведывательной службы В. Шелленберг, рассказывая об этой тайной операции, приводит некоторые дополнительные подробности. В частности, он указывает, что, передавая Гитлеру полученную от Скоблина информацию, Гейдрих включил в нее выдуманные им сведения, компрометирующие немецких генералов. Дав согласие на проведение этой тайной операции против Тухачевского, Гитлер категорически запретил посвящать в нее немецкий генеральный штаб. Помимо архивов генштаба, посланные Гейдрихом агенты тайно выкрали ряд компрометирующих документов из досье абвера. Чтобы скрыть кражу, был устроен пожар, который мог замести следы. По словам Шелленберга, ему пришлось «лично уничтожить почти все деньги, полученные от русских за досье, поскольку они состояли из крупных купюр, номера которых, очевидно, были заранее переписаны ГПУ. Как только кто-нибудь из наших агентов пытался воспользоваться этими деньгами в Советском Союзе, его в скором времени арестовывали».)

Спустя три недели, 11 июня 1937 г., потрясенный мир узнал из сообщения, переданного советским телеграфным агентством (ТАСС), что маршал Тухачевский и семь других видных генералов были приговорены к смертной казни Верховным Судом СССР.

В сообщении указывалось, что осужденные были виновны в нарушении своего воинского долга, воинской присяги и в измене Советскому Союзу в интересах иностранного государства.

В официальном сообщении приводились следующие подробности:

«Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я. Б., в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения, совершали вредительские акты с целью подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Армии, готовили на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Казнь Тухачевского и приказ по армии наркома обороны Ворошилова, фактически призывавший к доносу, вызвали лавину, от которой нельзя было найти защиту. Любому наказанный солдат, любой недовольный подчиненный мог свести счеты с негодным офицером, донеся на него. И каждый, кого осуждали, тянул своих близких, друзей, знакомых за собой навстречу тяжелой судьбе... В течение года офицерский корпус Красной Армии сократился наполовину, а его верхушка была ликвидирована почти полностью.

Эти обстоятельства вроде бы убедительно свидетельствуют о том, что с помощью этой вероломной интриги обергруппенфюрера СС Рейнгарда Гейдриха Гитлер разрушил систему командования Красной Армии за три года до нападения на Советский Союз, иными словами, подготовил свои последующие победы в карцерах и тюремных камерах НКВД. Но действительно ли десятки тысяч командиров РККА погибли в результате этой грязной махинации секретных служб?

На первый взгляд многое говорит в пользу подобного вывода, но это поверхностный вывод. Гейдрих был не автором этой драмы, а всего лишь «ассистентом режиссера». Его фальсифицированное досье было не основной причиной ареста и осуждения Тухачевского и его друзей, а всего лишь алиби для Сталина.

Корни этой трагедии, уничтожившей цвет советского офицерского корпуса, – в беспощадной борьбе за власть между мощными соперниками. Это было концом единственной силы, способной свергнуть Сталина.

Когда Скоблин в Париже передал сведения о готовящемся заговоре советских генералов против Сталина в руки сотрудников Гейдриха, Гитлер счел, что получил возможность передать Тухачевского в руки палачей и обезглавить Красную Армию. Но в действительности Гейдрих просто выполнил за Сталина его работу. Советский диктатор уже давно решил предпринять шаги против Тухачевского.

Вот доказательства этой версии. В январе 1937 г. главный советский инквизитор – Генеральный прокурор СССР Вышинский – начал очередной политический процесс над старой коммунистической гвардией. Одним из главных подсудимых был Карл Радек. На утреннем заседании 24 января он, отвечая на заданный Вышинским вопрос, неожиданно упомянул Тухачевского.

Имя маршала возникло случайно. Вышинский задал дополнительные вопросы, и Радек сказал: «Естественно, Тухачевский не знал о моей преступной деятельности». В зале воцарилась цепенящая тишина. И в этой тишине Радек произнес имя одного из близких к Туха-

чевскому лиц – имя генерала Путны. «Путна вместе со мной участвовал в заговоре», – произнес Радек.

Но Путна был специалистом по зарубежным армиям, находившимся в подчинении у Тухачевского, и как военный атташе имел многочисленные контакты в Берлине, Лондоне и Токио. К тому же Путна в это время уже находился в заключении. Он был арестован в конце 1936 г., Отсюда следует, что акция против Тухачевского потихоньку готовилась с конца 1936 г.

О самом процессе и казнях было немало версий. Вероятнее всего, главным обвинителем был Вышинский. Маршалы Блюхер и Буденный, а также ряд других старших генералов входили в состав военного трибунала. Свидетелей не вызывали. Вышинскому они были не нужны: он представил сфабрикованное досье, полученное от Гейдриха. Для Сталина и партийного руководства эти документы были доказательством шпионской деятельности Тухачевского и его соратников. Эти документы к тому же делали невозможным для других старших генералов и маршалов сделать что-нибудь для обвиняемых. Они судили своих товарищей и в глазах остальных сами стали виновными. Одно зло порождает другое. Вскоре те, кто судил Тухачевского, оказались на скамье подсудимых и предстали перед новыми судьями, а те, в свою очередь, также подверглись репрессиям...

Как погиб Тухачевский – человек, сделавший больше для спасения революции, чем Сталин и все его палачи, взятые вместе, – точно неизвестно.

День за днем, неделя за неделей число репрессированных росло. Сталин уничтожил многих офицеров Генерального штаба, казнил опытных командиров и, главное, разрушил ту атмосферу дисциплины и организованности, которую так упорно создавал Тухачевский.

Расплата началась через два года, во время советско-финской войны зимой 1939/40 года. Красная Армия оказалась недостаточно подготовленной тактически, еще хуже стратегически. Боевой дух был низким.

Русские извлекли уроки из этой кампании и попытались как можно быстрее устранить выявившиеся недостатки. В то же время неудачи Красной Армии укрепили убеждение Гитлера, что вторжение в Советский Союз будет легким военным походом и что он без риска сумеет овладеть сырьевыми ресурсами СССР, чтобы затем довести до победного конца войну против западных держав. В этом смысле гибельное нападение на Советский Союз 22 июня 1941 года было запоздалым результатом казни Тухачевского:

Преступные действия Сталина против талантливых советских генералов и офицеров поставили Советский Союз на грань поражения; возврат к принципам и стилю прежнего военного руководства в конечном итоге спас Россию и коммунизм.

«За рубежом», № 22, 1988 г.

Юрий Емельянов

Был ли заговор Тухачевского?

К числу наиболее темных страниц советской истории принадлежат те, которые повествуют о деле Тухачевского и других военачальников, арестованных и осужденных в 1937 г. по обвинению в антигосударственной деятельности, а спустя почти 20 лет реабилитированных. Объясняя причины осуждения видных руководителей Красной Армии, Н. С. Хрущев в 1956 г. рассказал о том, что немецкая разведка сумела передать советскому руководству через третьих лиц умело сфабрикованные материалы, которые дискредитировали М. Н. Тухачевского, Я. Б. Гамарника, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и других.

В еженедельнике «За рубежом» (27 мая – 2 июня 1988 г.) был опубликован материал под названием «Заговор против Тухачевского», представлявший выдержки из книги западногерманского ученого Пауля Карелла «Война Гитлера против России» (выходила также под заглавием «Гитлер идет на Восток. 1941–1943»). В публикации рассказывалось подробно о тех путях, которыми проследовала информация, собранная гестапо, из Берлина в Москву, что соответствовало известной версии, изложенной в 1956 г. советским руководством.

Однако, обратившись к подлинному тексту записи «Война Гитлера против России», нетрудно убедиться, что еженедельник «За рубежом» обрывал изложение Пауля Карелла как раз там, где он объявлял широко распространенную версию событий несостоятельной. Настоящая история, подчеркивает П. Карелл, «не столь проста, как ее представил Хрущев или как ее изложили Бенеш, Черчилль и помощники Гимmlера».

Какие основания были у германского посла ставить под сомнение сложившуюся версию событий 1937 г.? Прежде всего следует учесть, что автор многочисленных публикаций, посвященных Второй мировой войне, избравший себе псевдоним Пауль Карелл, был сотрудником рейхсминистерства иностранных дел Паулем Шмидтом и не раз исполнял обязанности переводчика у Гитлера.

Будучи ветераном германской дипломатии, Пауль Шмидт-Карелл был прекрасно осведомлен о тайном сотрудничестве между двумя странами в 1920-х годах. Отвергнув в 1917 г. принцип тайных соглашений и разгласив секретные договоры, заключенные странами Антанты, советское правительство вскоре убедилось в невозможности поддерживать внешнеполитическую деятельность в условиях абсолютной гласности.

Международная ситуация, сложившаяся после завершения Первой мировой войны, способствовала сближению тех стран, которые не оказались в числе архитекторов Версальской системы. Результатом этого явился договор, подписанный Советской Россией и Германией в 1922 г. в Рапалло. Этот договор, как подчеркивал П. Карелл, «положил конец дипломатической и экономической изоляции» и Германии, и СССР. «В договоре Рапалло не было секретных приложений, хотя предположения такого рода делаются до сего дня. Эта ошибка связана с тем, что соглашение по общим экономическим вопросам вскоре дало толчок для новых соглашений. Это было логическим развитием событий...» Потребность в секретных соглашениях, по мнению П. Карелла, диктовалась прежде всего теми запретами на развитие вооруженных сил, которые были навязаны Германии Версальским мирным договором. «Рейхсверу, например, было запрещено иметь танки или противотанковое вооружение, любые самоходные орудия, любую авиацию, любые космические средства ведения войны. Такие ограничения не позволяли создать современную армию».

С первых дней Октябрьской революции советские руководители ожидали революционных событий в Германии. Само существование советской власти в России ставилось в зависимость от победы германской социалистической революции.

В своей книге «Преданная революция» (1936) Л. Д. Троцкий указывал, что все планы социалистического строительства в России зиждились на активном привлечении германских специалистов и рабочих в Россию, а также усиленном экспорте в Россию готовой продукции, а в Германию – российского сырья. Поэтому любые сообщения о демонстрациях рабочих в Берлине или волнениях матросов в Киле воспринимались как долгожданные известия о начале германской революции. Надежды советских руководителей на революционный взрыв в Германии порой заставляли их проявлять поразительное легкоеверие в отношении непроверенных сообщений о восстании германского пролетариата.

Так, в ходе работы IX съезда РКП(б) 29 марта 1920 г. Н. И. Бухарин объявил его делегатам, что «берлинская радиостанция находится в руках германских рабочих». Он заявил, что это еще не окончательная победа, но германский пролетариат, «несмотря на частичные поражения, идет твердой поступью к рабочей диктатуре». По предложению Бухарина съезд направил в Берлин телеграмму, в которой выражалась уверенность, что «победа германского пролетариата послужит сигналом к мировой социальной революции». Телеграмма завершалась здравицами в честь «германской Красной армии и германской Советской социалистической революции».

Позже выяснилось, что сообщение о революции в Германии было ошибочным, но вряд ли в Берлине верили в искренность заверений советского правительства о стремлении развивать сотрудничество после получения там телеграммы, в которой находившиеся у власти руководители были названы правительством «социал-предателей, буржуазных демократов и изуверов католического центра» и в которой приветствовалась никогда не существовавшая германская Красная армия и германская Советская социалистическая республика.

Будучи готовыми поддержать революцию в Германии, вожди Советской России тем не менее исходили из реально сложившейся ситуации и поэтому выступали за деловое сотрудничество с Веймарской республикой.

Сторонником такого сотрудничества выступал и глашатай мировой революции Троцкий. Как утверждал его биограф И. Дейтчер, «самые важные действия» Троцкого «в сфере дипломатии были осуществлены в начале 1921 года, когда он предпринял целый ряд смелых и довольно деликатных шагов, которые в конечном счете привели к заключению договора в Рапалло».

Как подчеркивал Дейтчер, стремление Троцкого добиться развития советско-германского сотрудничества в значительной степени было обусловлено тем, что, находясь на посту наркомвоенмора, он понимал необходимость модернизации советской оборонной промышленности. «Как военный нарком Троцкий очень хотел оснастить Красную Армию современным оружием. Советская военная промышленность, примитивная и разрушенная, не могла обеспечить его производство».

Была лишь одна страна, к которой Троцкий мог повернуться в надежде на успех, и это была Германия. В соответствии с Версальским договором, Германии было запрещено производить оружие. Ее оружейные фабрики, самые современные в Европе, простаивали...

В начале 1921 г. Виктор Копп, бывший меньшевик, который когда-то сотрудничал в венской «Правде» (ее редактором был Троцкий. – Ю. Е.), заключил от имени Троцкого тайные контракты с крупнейшими концернами Круппа – «Блом унд Фосс» и «Альбатрос Верке». Уже 2 апреля 1921 г. он сообщил, что эти концерны готовы сотрудничать, оказывать техническую помощь и продавать продукцию, необходимую России для производства самолетов, подводных лодок и других видов оружия. В течение года между Москвой и Берлином постоянно курсировали посланцы, а Троцкий информировал Ленина и Чичерина о каждой фазе переговоров, которые продолжались в величайшей тайне: он держал в своих руках все

нити подготовительных переговоров перед заключением договора в Рапалло, пока не наступил момент для действия дипломатов.

Дейтчер обращает внимание и на роль К. Б. Радека в подготовке оформления советско-германского сотрудничества. Еще в конце 1918 г. «после падения монархии Гогенцоллернов он был направлен Лениным с секретной миссией в Германию, где он должен был помочь поставить на ноги вновь созданную коммунистическую партию. Он совершил опасное путешествие, полное приключений, через «санитарный кордон», которым была окружена Россия, и прибыл в Берлин инкогнито незадолго до того, как были убиты Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Он был схвачен полицией и брошен в тюрьму. Там, когда Берлин был во власти белого террора и его жизнь висела на волоске, он совершил чудеса политической виртуозности: он сумел установить контакты с ведущими германскими дипломатами, промышленниками и генералами; он их принимал в своей тюремной камере, особенно часто Вальтера Ратенау, которому суждено было стать министром иностранных дел эры Рапалло. Эти переговоры явились первым прорывом в «санитарном кордоне». Из своей камеры он также поддерживал контакты с германской коммунистической партией и помогал ей формулировать свою политику».

Пауль Карелл также выделяет роль этого политического деятеля в организации советско-германского сотрудничества.

«Именно Карл Радек, – утверждал П. Карелл, – блестящий интеллектual ленинской «старой гвардии», установил первые контакты между Советами и генералом-полковником рейхсвера фон Сектом. Это и помогло Германии сбросить оковы Версаля».

Необходимо отметить, что в руководстве Веймарской республики политика Радека многими воспринималась как временная и вынужденная мера, от которой в будущем необходимо отказаться. Так, советник президента Германии Парвус (А. А. Гельфанд), бывший наставник Троцкого и его соавтор в разработке теории перманентной революции, а затем крупный финансист и организатор деятельности сепаратистских и революционных сил в России, в 1914–1917 гг. изложил в брошюре (опубликована в 1922 г.) экспансионистские планы Германии в отношении России.

Через некоторое время эти планы получили развитие в главной работе вождя германских национал-социалистов Гитлера «Моя борьба», в которой говорилось:

«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно подводим черту под внешней политикой, которой следовала предвоенная Германия. Мы начинаем там, где остановились шестьсот лет назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и поворачиваем наши взоры к землям на востоке. Мы, наконец, кладем конец колониальной и торговой политике предвоенных времен и переходим к территориальной политике будущего. Когда мы сегодня говорим о территории в Европе, мы можем думать прежде всего о России и о пограничных государствах, являющихся ее вассалами».

Так идеи, выдвинутые бывшим социал-демократом, а затем финансистом Парвусом, получали поддержку и эмоциональную окраску в книге, автор которой не скупился на проклятия в адрес как социал-демократов, так и финансистов.

Неясно, каким образом, по мысли Радека, правые националисты могли стать «переходным этапом» к социалистической революции. Последующие события показали, что Троцкий, который был организатором революционных выступлений в Германии 1923 г. и одновременно поощрял «временное» сотрудничество с правыми националистами, после прихода Гитлера к власти выступал за немедленное объявление Советским Союзом всеобщей мобилизации, что могло бы спровоцировать советско-германскую войну в крайне невыгодных для СССР условиях.

Был ли в сотрудничестве с реваншистскими силами Германии дальний расчет на провоцирование таким образом вооруженного столкновения между двумя странами, а затем

революционного взрыва в Германии, или же эта политика была обусловлена краткосрочными выгодами, исходящими из случайного совпадения интересов двух непримиримых сил, но это был крайне рискованный курс, который укреплял потенциал разрушительной силы у страны, уже не раз совершавшей агрессии против России.

Стремление к взаимному сотрудничеству в военной области было оформлено в период после подписания договора в Рапалло. Бывший работник германского МИДа П. Карелл (Шмидт) сообщал о «ряде тайных соглашений, заключенных между рейхсвером и красным генеральным штабом. С германской стороны эта деятельность была поручена «Особой группе Р» («Р» означало Россия), засекреченному отделу в руководстве германской армии. Ее исполнительным органом стала экономическая организация, созданная для прикрытия, – фирма ГЕФУ, Ассоциация для защиты торговых предприятий. Эта фирма имела свои конторы в Берлине и Москве и финансировалась за счет секретных фондов рейхсвера».

Карелл не являлся единственным историком, раскрывшим характер и масштабы тайного сотрудничества, которое развивалось между Советской Россией и Германией. Он признает, что Джоффри Бейли является «американским экспертом по закулисной работе Красной Армии», и приводит данные из книги «Заговорщики» своего американского коллеги:

«К 1924 г. фирма «Юнкерс» производила несколько сот цельнометаллических самолетов в год в подмосковном пригороде Филях. Очень скоро 200 тысяч снарядов в год стали производить модернизированные царские заводы Ленинграда, Тулы и Златоуста. Отравляющий газ производила фирма «Берцоль» в городе Троцк (Гатчина), а подводные лодки и бронированные корабли строились и спускались на воду в доках Ленинграда и Николаева. В 1926 г. более чем 150 миллионов марок, почти треть ежегодного бюджета рейхсвера, направлялись на закупки вооружений и боеприпасов в СССР».

Эти данные вполне согласуются с теми сведениями, которыми располагал Пауль Карелл. Он добавляет:

«Естественно, что производство запрещенной военной продукции было лишь одной стороной этого сотрудничества. Так как ввоз таких вооружений в Германию был также запрещен и в существовавших условиях их нельзя было оградить тайной, было крайне важно создать условия для организации за пределами Германии полигонов, на которых применялось бы это оружие. Таким образом Советский Союз превратился в полигон рейхсвера.

С 1922 по 1930 г. были созданы следующие центры, которые использовались немцами: центр германских ВВС под Липецком, школа химической войны в Саратове на Нижней Волге (создана в 1927 г.), бронетанковая школа с танкодромом в Казани на Средней Волге (введена в действие в 1930 г.)

Огромный военный аэродром возле Липецка был расположен на возвышенности, с которой открывался вид на город. Начиная с 1924 г., он превратился в совершенно современную военную базу. Официально здесь размещалась 4-я советская эскадрилья, но язык 4-й эскадрильи был немецким. Только офицер связи и охрана аэродрома были русскими. У ангаров стояло несколько старинных русских разведывательных самолетов, на крыльях которых были заметны советские опознавательные знаки. Остальное же все было немецкое. На Липецк из бюджета рейхсвера выделялось 2 миллиона марок ежегодно. Первые сто истребителей, которые использовали для обучения немецких пилотов, были закуплены на заводах «Фоккер» в Голландии. В Липецке находилось от 200 до 300 немецких летчиков. Тут были использованы первые немецкие истребители-бомбардировщики. В ходе маневров, приближенных к боевым условиям, «липецкие истребители» практиковали технику бомбометания на низкой высоте. Именно так были заложены основы для разработки последовавших «штурмовиков», которые вызывали ужас в годы войны.

Первые типы легких бомбардировщиков и истребителей для массового производства средств ВВС Германии, развернувшегося с 1933 г., были созданы и испытаны в Липецке.

Первые 120 отлично подготовленных пилотов-истребителей, ядро истребительной авиации, все были из Липецка. То же можно сказать и о первой сотне штурманов. Без Липецка Гитлеру понадобилось бы еще десять лет для того, чтобы создать современную авиацию.

Ныне даже трудно представить себе, какой грандиозной авантюрой явился Липецк. В то время как подозрительные взоры западных союзников и пацифистски настроенных немецких левых рыскали по Германии в поисках малейших свидетельств запрещенного перевооружения, где-то вдаль, в Аркадии немецких коммунистов и левых марксистов, эскадрильи липецких истребителей с ревом проносились над Доном, сбрасывая модели бомб по мишеням, испытывая новые прицелы для бомбометания, с грохотом пролетали на низкой высоте над деревнями Центральной России, вплоть до окраин самой Москвы, и выступали в роли наблюдателей в ходе широкомасштабных маневров советских сухопутных сил в районе Воронежа.

Чем стал Липецк для военно-воздушных сил, тем Казань стала для танкистов. Здесь, на Средней Волге, были заложены основы бронетанковых дивизий Гудериана, Гепнера, Гота и Клейста...

Все операции удалось сохранить в тайне, несмотря на то, что, по словам Карелла, «все до последнего гвоздя вывозилось из Германии. Необходимые материалы и снаряжение поступали в Ленинград из свободного порта Штеттин. Особо секретное или взрывоопасное оборудование или предметы, которые нелегко было замаскировать, нельзя было погрузить в Штеттине. Их погружали на небольшие прогулочные яхты, на которых находились офицеры флота, и они плыли тайными маршрутами через Балтику. Естественно, из-за этого порой исчезал целый груз. В обратном направлении шли такие предметы, как гробы летчиков, разбившихся под Липецком: их запаковывали в ящики, на которых было написано, что это запасные части, и отправляли в Штеттин. Таможенники по договоренности с рейхсвером помогали переправить их из порта».

Одним из условий тайных соглашений двух стран явилась военная подготовка советского командного состава.

«Бывшие солдаты царской армии, прославленные бойцы гражданской войны, украшенные боевыми наградами политические комиссары сидели бок о бок с аспирантами германских военных академий и слушали лекции о военном искусстве Мольтке, Клаузевица и Людендорфа».

Итогом этого многолетнего сотрудничества явилось установление личных знакомств между германскими и советскими военными. Все беседы, которые вели советские военные с германскими коллегами, тщательно записывались последними. Это направлялось в архив ГЕФУ. Впоследствии группенфюрер СС Гейдрих по заданию Гитлера и Гиммлера использовал материалы этого архива для дискредитации ряда советских военных, включая М. Н. Тухачевского.

«Гейдрих, – отмечает Карелл, – внес изменения в содержание архивных материалов ГЕФУ. Он внес добавления в переписку, добавив несколько новых писем и заметок так, что в конце концов был готов превосходный материал с подлинными документами и печатями, который поставил бы любого генерала в любой стране перед военным трибуналом по обвинению в государственной измене».

Не умаляя провокационной роли Гейдриха, Карелл в то же время не испытывает ни малейших сомнений в том, что у германской разведки были убедительные свидетельства деятельности Тухачевского и других, направленной на свержение правительства СССР. Он приводит некоторые известные ему сведения, подтверждающие активную роль Тухачевского в попытке организации государственного переворота. При этом симпатии Карелла на стороне Тухачевского, которого он не раз именует «российским Бонапартом».

Этой уверенности германского историка, казалось бы, противоречат три четверти столетия советской истории, не знавшие военных переворотов. Между тем есть немало свидетельств, что страх перед появлением «советского Бонапарта», готового совершить военный переворот, постоянно преследовал советских руководителей. По обвинению в бонапартистских амбициях был смещен и арестован в 1919 г., в разгар гражданской войны, первый главнокомандующий республики И. И. Вацетис. Правда, дело было замято, и Вацетис вскоре был освобожден, но пост главнокомандующего занял С. С. Каменев. Вскоре Каменев также стал вызывать аналогичные подозрения, как это ясно из письма, направленного эмигранту Илие Британу анонимным корреспондентом (в авторе письма многие узнавали Н. И. Бухарина). Подозрения в бонапартистских амбициях вызывал и председатель Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкий. Как утверждал позже троцкист А. Росмер, в 1923 г. в Москве часто можно было слышать: «Троцкий действует, как Бонапарт».

Вызов, который бросил начальник Политуправления РККА, сторонник Троцкого, В. А. Антонов-Овсенко в декабре 1923 г., отказавшись выполнять решения ЦК по борьбе с оппозицией, явился новым поводом для подозрений относительно Троцкого в попытке узурпировать власть в духе Наполеона. Выступление в поддержку Троцкого в разгар дискуссий в партии 1927 г. таких видных военных руководителей, как Н. И. Муралов, В. К. Путна, И. Э. Якир и других, также было поводом для новых тревог.

Сам же Троцкий не раз возвращался к мысли о возможности военного переворота. Он видел в подобном событии логическое завершение «термидорианского перерождения» Октября. Находясь в ссылке в Алма-Ате в октябре 1928 г., Троцкий писал о возможности того, что такие руководители, как Ворошилов или Буденный, могут свергнуть большевистское правительство. При этом Троцкий считал, что перед угрозой такого переворота троцкисты должны будут объединиться со сталинистами.

Объясняя позицию Троцкого в этом вопросе, Дейтчер отмечал: «Казалось, было абсурдно, что Троцкий мог вообразить Ворошилова или Буденного в роли Бонапарта... Однако как политический аналитик Троцкий должен был учитывать не только реальности, но и возможности, а вероятность военного переворота постоянно присутствовала. Хотя она не стала реальностью, во всяком случае, за последние 30 лет эта угроза не раз преследовала Сталина и его наследников; обратите внимание на конфликты Сталина с Тухачевским и другими генералами в 1937 г. и с Жуковым в 1946 г. и столкновение Хрущева с Жуковым в 1957 г. Здесь Троцкий затронул глубокую тенденцию советской политической жизни, но, очевидно, он переоценил ее силу».

Сведения, которыми располагал Карелл, позволяли ему с уверенностью утверждать, что конфликт Сталина с Тухачевским чуть не превратился в реальность. Он пишет, что в 1932 г. первый заместитель наркомвоенмора Я. Гамарник внес предложение создать на Дальнем Востоке коллективные хозяйства из военнослужащих.

«К 1936 г., – пишет П. Карелл, – колхозный корпус насчитывал 60 тысяч человек, несущих боевую службу, и 50 тысяч резервистов, работавших в поле. Это была боевая сила из десяти дивизий со своей структурой, практически независимая от системы управления Красной Армии и удаленная от сердца режима, находящегося в Москве. Это было идеальное оружие в руках генерала, имеющего политические амбиции. Гамарник был именно таким человеком. Но в еще большей степени таким был его друг Тухачевский... «Колхозный корпус» соответствовал его планам и должен был играть в них решающую роль. В случае вооруженного конфликта с просталинскими силами армии и партии удаленный особый восточно-сибирский корпус превратится в своеобразную крепость повстанцев, а при необходимости обеспечит безопасный путь для отступления».

Объясняя политические цели действий Тухачевского, Гамарника и других не только личными амбициями, Пауль Карелл утверждает, что приход Тухачевского к власти озна-

чал бы изменение внешнеполитической ориентации СССР. «Решающим мотивом для его политической оппозиции была внешняя политика Сталина. Тухачевский все больше убеждался в том, что союз между Германией и Советским Союзом был неумолимым велением истории, с тем чтобы развернуть совместную борьбу против «загнивающего Запада». Тухачевский, конечно, знал, что эта цель может быть достигнута в борьбе против Сталина и узколобых бюрократов. Поэтому он должен был вооружиться на случай стычки. Его личной армией стал Хабаровский корпус».

По словам Карелла, Тухачевский и Гамарник стремились укрепить не только внутри-, но и внешнеполитическую базу заговора.

«Весной 1936 г. Тухачевский направился в Лондон в качестве руководителя советской делегации на похороны короля Георга V. Дорога туда и обратно вела его через Берлин. Он воспользовался этой возможностью для того, чтобы провести переговоры с ведущими немецкими генералами. Он хотел получить гарантию, что Германия не воспользуется революционными потрясениями в Советском Союзе в качестве предлога для того, чтобы начать поход на Восток. Самым главным для него была идея российско-германского союза после свержения Сталина. Есть ли тому подтверждение?

Джеффри Бейли в своей книге приводит документально подтвержденное замечание Тухачевского, которое он высказал румынскому министру иностранных дел Титулеску. Тухачевский сказал: «Вы не правы, связывая судьбу своей страны с такими старыми и конченными странами, как Франция и Англия. Мы должны повернуться лицом к новой Германии. В течение короткого времени Германия займет ведущее положение на Европейском континенте».

Очевидно, что переговоры Тухачевского с германскими генералами, его высказывания, неординарные для официального лица, не прошли мимо внимания германской разведки. Объясняя мотивы действий Гитлера, решившего снабдить НКВД доказательствами вины Тухачевского и других, Пауль Карелл считает, что фюрер испытывал опасения перед талантом Тухачевского и таким образом стремился ослабить Красную Армию. Возможно, что так и было на самом деле. В то же время странный способ добычи документов из архива ГЕФУ (взлом и тайное похищение архивов вермахта) показывает, что Гитлер прежде всего испытывал недоверие к военному руководству Германии. Не исключено, что, стремясь сорвать заговор Тухачевского, Гитлер желал помешать укреплению тех сил в СССР, которые являлись надежными союзниками германских военных. Страх перед военным переворотом преследовал не только советских руководителей. Покушение на Гитлера и попытка военного переворота в Берлине 20 июля 1944 г. были открытым проявлением заговора военных, который давно сложился. Уже в сентябре 1933 г. германские военные руководители были готовы совершить государственный переворот, и лишь капитуляция Чемберлена и Даладье в Мюнхене сорвала планы заговорщиков. Вероятно, узнав об обращении Тухачевского за поддержкой в деле переворота к германским военным, Гитлер и другие лидеры Германии могли прийти к выводу, что в случае победы Тухачевского германские военные также могли обратиться к нему с просьбой о косвенной или даже прямой помощи.

Тем временем, как утверждал Карел, сведения о готовящемся заговоре военных уже давно стали известны НКВД! Еще до того как президент Чехословакии Э. Бенеш и тогдашний министр обороны Франции Э. Даладье сыграли свои невольные роли передатчиков информации, подготовленной Гейдрихом, в январе 1937 г., на процессе по делу так называемого параллельного троцкистского центра, в ходе допроса К. Б. Радека впервые прозвучало имя Тухачевского. Правда, Радек оговорился, сказав, что «Тухачевский и не подозревал о той преступной роли, которую я играл».

В дальнейшем Радек назвал бывшего командующего Приморской армией и военного атташе в ряде стран В. К. Путну своим сообщником. К этому времени Путна уже был арестован.

«Так с конца 1936 г., – пишет Карелл, – осуществлялись шаги против Тухачевского».

Естественно, маршал и его друзья поняли опасность. Допустим, Путна заговорит? Не хотелось даже думать об этом. Требовались быстрые действия.

Как утверждает Карелл, «в марте 1937 г. соревнование между Тухачевским и агентами Сталина приобрело драматический характер. Словно рокот приближавшейся грозы, прозвучало замечание Сталина на пленуме Центрального Комитета: «В рядах Красной Армии есть шпионы и враги государства». Почему маршал тогда не выступил? Ответ довольно прост. Было трудно координировать действия офицеров Генерального штаба и командиров армии, штабы которых нередко находились на расстоянии в тысячи километров друг от друга. Это затруднялось из-за внимательного наблюдения за ними со стороны тайной полиции, что вынуждало их проявлять максимальную осторожность. Переворот против Сталина был назначен на 1 мая 1937 г., главным образом из-за того, что Первомайские парады позволяли осуществить значительные перемещения войск в Москву, не вызвав подозрения.

Однако случайность (или хитрость Сталина) привела к отсрочке решения. Кремль объявил, что маршал Тухачевский возглавит советскую делегацию в Лондоне на церемонии коронации короля Георга VI 12 мая 1937 г. Это должно было успокоить Тухачевского. И он действительно успокоился. Он отложил переворот на три недели. Это было его роковой ошибкой. Он не отправился в Лондон, и переворот не состоялся. 25 апреля его видели последний раз на весеннем балу в Московском доме офицеров. 28 апреля он присутствовал на приеме в американском посольстве. Это его последнее публичное появление, которое официально подтверждено. Все, что произошло потом, известно лишь по слухам, ненадежным источникам, через третьи руки».

В печати было объявлено об аресте маршала Тухачевского, командующих Украинским и Белорусским военными округами Якира и Уборевича, заместителя командующего Ленинградским военным округом Примакова, начальника Военной академии имени Фрунзе Корка, начальника Управления кадров Красной армии Фельдмана, комкоров Эйдемана и Путны. Сообщалось также о самоубийстве Гамарника.

«Нет свидетельств, – пишет Карелл, – того, присутствовали ли Тухачевский и его семь коллег по делу на процессе и были ли они живы. Надежный свидетель – работник НКВД Шпигельгласс – приводил слова замнаркома НКВД Фриновского: «Весь советский строй висел на волоске. Действовать обычными методами мы не могли – сначала провести процесс, а затем – казнь. В данном случае нам пришлось сначала расстрелять, а затем вынести приговор».

Версия, изложенная историком и бывшим ответственным работником германского МИДа Паулем Кареллом (Шмидтом) и разделяемая многими западными историками, существенно отличается от той, которая господствует в общественном сознании нашей страны уже четверть века. Поиск истины в той сложной внутривластной борьбе, которая происходила внутри советского общества, с ее неожиданными проявлениями в международной сфере, требует внимательного рассмотрения и тех данных, о которых давно поведал миру Пауль Карелл.

«Слово», № 12, 1991 г.

Николай Абрамов

«Дело тухачевского»: новая версия

Прага

Обратимся к основному источнику – донесениям советского полпреда в Чехословакии С. С. Александровского. Несколько слов о Сергее Сергеевиче Александровском. Это был один из выдающихся представителей чичеринской школы советской дипломатии. Высокообразованный (окончил Высшую коммерческую академию в Мангейме) профессиональный революционер (член большевистской партии с 1906 г.), он уже в 1918 г. стал советским дипломатом. Когда в 1933 г. Александровский прибыл в Прагу, за его плечами уже были посты полпреда в Литве и Финляндии, работа в Германии и Австрии. В Чехословакии он пользовался огромным авторитетом и личным доверием президента Бенеша.

...В тот период – конец 1936 г. – начало 1937 г. – в Праге происходили секретные германо-чехословацкие переговоры. Конечно, это были не переговоры в полном смысле этого слова, а полуофициальные зондажи, которые вел президент Бенеш с гитлеровскими представителями Альбрехтом Хаусхофером и графом Траутмансдорфом. Цель зондажей состояла в том, чтобы найти приемлемую форму удовлетворения гитлеровских претензий к Чехословакии и добиться улучшения германо-чехословацких отношений. И вдруг в начале февраля 1937 г. немцы прекратили переговоры. Прага встревожена...

Посланник Чехословакии в Берлине В. Маэтни получает указание встретиться с графом Траутмансдорфом. По завершении встречи посланник пишет 9 февраля президенту Бенешу: «Действительной причиной решения канцлера (Гитлера. – *Примеч. авт.*) о переносе переговоров является его предложение, основывающееся на определенных сведениях, которые он получил из России, что там в скором времени возможен неожиданный переворот, который должен привести к устранению Сталина и Литвинова и установлению военной диктатуры».

Проходит полтора месяца, и 20 марта Маэтни посылает телеграмму Крофте, в которой повторяет информацию, согласно которой Гитлер якобы располагает сведениями «о возможности неожиданного и скорого переворота в России... и установлению военной диктатуры в Москве...»

Итак, президент Бенеш располагает информацией о предстоящем «заговоре» в Москве, но никаких шагов не предпринимает. Он выжидает. Советский полпред в Праге Александровский находится пока в полном неведении. Москва от него никакой информации о «заговоре» не получает.

Информация приходит неожиданно – из Франции...

Париж

16 марта 1937 г. полпред СССР во Франции В. П. Потемкин шлет телеграмму в Москву Сталину, Молотову, Литвинову, в которой сообщает о своей беседе с министром обороны Франции Эдуардом Даладье.

«Из якобы серьезного французского источника, – писал полпред, – он (Даладье. – *Авт.*) недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии... Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством из русских эмигрантских кругов... Даладье пояснил,

что более конкретными сведениями он пока не располагает, но что он считал «долгом дружбы» передать нам свою информацию, которая может быть для нас небесполезна».

Под серьезным французским источником подразумевалась французская разведка, а под «русскими эмигрантскими кругами» – белогвардейский генерал Скоблин. Оба источника имели выход на немецкую разведку. Далее полпред продолжал:

«Я, конечно, поблагодарил Даладье, но выразил решительное сомнение в серьезности его источника, сообщаящего сведения об участниках представителей командования Красной Армии в германском заговоре против СССР и в дальнейшем против Франции. При этом я отметил, что недостаточная конкретность полученных сообщений лишь подтверждает мои сомнения. Даладье ответил, что, если получит более точные данные, он немедленно мне их сообщит. Он-де все же не исключает возможности, что в Красной Армии имеются остатки троцкистов. Эта часть разговора произвела на меня двойственное впечатление. Во-первых, Даладье явно заинтересован в том, чтобы своими «дружественными» сообщениями внушить нам больше доверия к нему самому. Во-вторых, он невольно выдает привычный страх французов, как бы мы не сговорились против них с немцами».

Заметим, что полпред очень сдержанно оценил французские данные, хотя, конечно, основной адресат Потемкина – Сталин – вряд ли нуждался в комментариях. Даладье обещал позже уточнить некоторые детали, но у этой беседы продолжения не оказалось. Вскоре Потемкин был отозван в Москву и 1 апреля 1937 г. назначен заместителем наркома иностранных дел. О делах Франции он мог теперь судить только по сообщениям французской печати. И вряд ли он связывал информацию о предстоящем «заговоре военных» в Москве, которую получил от Даладье, с внезапным исчезновением из Парижа в сентябре того же года белогвардейского генерала Скоблина.

Но не только это удивляло его современников. Неожиданным оказалось и внезапное исчезновение главы русской белой эмиграции во Франции генерала Миллера. Утверждалось, что Миллер «похищен советскими агентами». По обвинению в соучастии в похищении Миллера была арестована жена Скоблина, известная русская певица Надежда Плевицкая, приговоренная французским судом к 20 годам каторжной тюрьмы. Через три года она погибла в тюрьме при невыясненных обстоятельствах...

А тогда...

Москва

В марте – апреле 1937 г. в дипломатических кругах Парижа, Праги и других европейских столиц стали упорно распространяться слухи о предстоящем советско-германском сближении. Оснований для подобных слухов не было. Более того, антисоветская направленность публикаций германской печати, казалось бы, исключала такую возможность. Однако падкие на сенсацию буржуазные газеты продолжали муссировать эту неправдоподобную «новость». Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов 17 апреля был вынужден направить в Париж и Прагу телеграмму следующего содержания:

«Заверьте МИД, что циркулирующие за границей слухи о нашем сближении с Германией лишены каких бы то ни было оснований. Мы не вели и не ведем на эту тему никаких переговоров с немцами, что должно быть ясно хотя бы из одновременного отозвания нами полпреда и торгпреда. Очевидно, что слухи распространяются немцами или поляками для целей нам не совсем понятных. Это же опровержение давайте всем обращающимся к вам на эту тему».

Прага

Получив советское опровержение, президент Э. Бенеш, по-видимому, не совсем верит ему. Ведь он располагает другой секретной «информацией», которую получил из Берлина от посла Маэты. Вот теперь Бенеш решает, что момент наступил, и вызывает С. С. Александровского.

Беседа происходит 22 апреля. Речь идет о слухах, распушенных немецкой стороной. Александровский сообщает в Москву о беседе с президентом:

«Хотя Бенеш знал об этом от Крофты, я счел правильным повторить ему опровержение слухов о сближении СССР и Германии. Бенеш реагировал на это довольно живо вопросом о том, почему бы СССР и не сблизиться с Германией. Чехословакия только могла бы приветствовать такое сближение... Признаться, я был удивлен и сказал, что не понимаю постановку вопроса.

...Бенеш весьма пространно говорил о том, что, какие бы изменения ни произошли во внешней политике СССР, Чехословакия останется безоговорочно верной СССР и своим обязательствам перед ним. В ответ на мое недоумение, о каких изменениях во внешней политике СССР может быть речь, Бенеш сказал, что СССР не только великая, но прямо грандиозная страна, имеющая самые обширные и многообразные интересы не только в Европе, но и в Азии. Бенеш себе представляет такую теоретическую возможность, когда многообразие этих интересов может принудить СССР к переменам во внешней политике, скажем, по отношению к той же Германии или Англии. Он не имеет в виду ничего конкретного и хочет только сказать, что при всех условиях Чехословакия останется в дружбе с СССР».

На это Александровский ответил:

«Политика СССР абсолютно неизменна, ибо она всегда является политикой сохранения мира... Перемена нашей внешней политики мыслима только в том смысле, что кто-нибудь из наших многочисленных партнеров искренне повернет в сторону мира или, наоборот, перейдет в лагерь поджигателей войны. От этого может зависеть улучшение или ухудшение наших взаимоотношений».

Анализируя высказывания президента Бенеша, Александровский писал:

«Было очевидно, что Бенеша продолжает занимать все тот же вопрос, и потому я еще раз сказал, что при данных условиях нет речи о нашем сближении с Германией».

Бенеша беспокоил вопрос о возможной «перемене» во внешней политике СССР в результате «заговора». Однако о самом «заговоре» он не говорил. Здесь, видимо, придется забежать немного вперед и процитировать беседу С. С. Александровского и Э. Бенеша, состоявшуюся 3 июля – то есть уже после казни советских военачальников, последовавшей в июне.

«Бенеш напомнил мне, – писал полпред, – что в разговоре со мной (кажется, 22.IV с. г.) он говорил, что почему бы СССР и не договориться с Германией. Я ответил, что помню, и признался, что меня тогда очень удивила эта часть разговора, как совершенно выпадающая из рамок обычного хода мыслей Бенеша. Лукаво смеясь, Бенеш ответил, что может теперь объяснить мне скрытый смысл своего тогдашнего разговора. Свои объяснения Бенеш просил считать строго секретными и затем рассказал следующее.

Начиная с января месяца текущего года (1937 г. – *Авт.*), Бенеш получал косвенные сигналы о большой близости между рейхсвером и Красной Армией. С января он ждал, чем это закончится. Чехословацкий посланник Маэты в Берлине является исключительно точным информатором. Он прямо фотографирует свои разговоры в докладах Бенешу. У Маэты в Берлине было два разговора с выдающимися представителями рейхсвера. Маэты их сфотографировал, видимо, не понимая сам, что они означают. Бенеш даже сомневался, созна-

вали ли эти представители рейхсвера, что они выдают свой секрет. Но для Бенеша из этих разговоров стало ясно, что между рейхсвером и Красной Армией существует тесный контакт. Бенеш не мог знать о том, что это контакт с изменниками».

Суммируя содержание беседы и учитывая, что дипломатическая почта ходит не часто, Александровский шлет в тот же день в НКВД телеграмму, в которой пишет:

«Бенеш говорил со мной 2,5 часа о внутреннем положении в СССР и о процессе Тухачевского. Он ожидал нечто подобное и потому не был удивлен или обеспокоен. Он утверждает, что в разговоре со мной 22-IV говорил о возможности германо-советского сближения потому, что имел сигналы из Берлина об очень тесных связях с советской армией».

12 мая (после снятия Тухачевского с поста заместителя наркома и перемещения на пост командующего Приволжским военным округом) на приеме в английской миссии К. Крофта интересовался, что происходит с маршалом Тухачевским? Он спрашивал:

«Не является ли «деградация» (понижение в должности. — *Авт.*) маршала Тухачевского результатом политических трений с маршалом Ворошиловым по вопросу о взаимоотношениях СССР с Германией. По словам Крофты, в Праге ходят слухи, что Тухачевский принадлежал к числу сторонников сближения с Германией и в то же время имел возражения по каким-то внутриармейским вопросам, может быть, как раз по поводу той реорганизации, которая проводится сейчас в Красной Армии в связи с организацией военных советов. Другой слух, ходящий по Праге, гласит, что Тухачевский впал в немилость в какой-то связи с делом Ягоды... Я категорически заверил, что никаких оснований нет и Тухачевский вообще не «деградировал». Он получил достаточно важное назначение и вовсе не является первым и единственным маршалом, которому поручено командование округом. Ведь командует же Блюхер всего одним округом на Дальнем Востоке. Волжский округ очень важен для нас как округ с нашей второй металлургической базой (здесь я сознательно преувеличил значение округа, чтобы смягчить резкость перехода от прошлого к нынешнему положению тов. Тухачевского)...»

Мы видим, что посол тогда не подозревал о будущем развитии событий. Зато по-другому звучит его информация наркому М. М. Литвинову от 15 июня:

«Случайно вышло так, что в день получения в Праге официального сообщения ТАСС о суде над бандой преступников и диверсантов во главе с Тухачевским, то есть 11.VI с. г., у меня в полпредстве был организован чай... Понятно, что вопрос о банде Тухачевского затмил все другие вопросы и журналисты в первую очередь интересовались судом в Москве... Должен вообще сказать, что положение для меня было несколько затруднительным, поскольку я сам информирован только из газет. Перед чаем я собрал советских участников чая и инструктировал их следующим образом. Не говорить лишнего, не высказывать догадок в разговорах с журналистами, а строго держаться уже известного материала, который дан некоторыми статьями «Правды» по поводу самоубийства Гамарника. С другой стороны, не уклоняться от темы и не придавать ей этим способом преувеличенного значения. Хотя в этот день мне не была еще известна статья «Правды» от 11. VI, но я дал правильную установку: этот процесс является симптомом оздоровления крепкого организма не только Красной Армии, но и всего советского государства. Ни о каком кризисе не может быть и речи».

Очевидно, что иначе Александровский в официальном документе писать не мог. Помимо встреч президента и полпреда 22 апреля и 3 июля в дневнике Александровского есть упоминание о единственной встрече 12 мая на приеме в английской миссии. Но она была мимолетной. Вот что пишет полпред:

«Бенеш остановился около меня всего на одну минуту, для того чтобы сказать, что он «вполне доволен» ходом событий в Европе и через несколько дней позовет меня к себе для подробного разговора».

Но, судя по всему, разговор состоялся только 3 июля.

Оставим в стороне оценки происходящего, ошибочность которых сейчас видна, хотя слова посла были далеко не самыми резкими из тех, что употреблялись в то время. К сожалению, в дальнейшем Александровский уже не мог принять участие в выяснении всех обстоятельств дела: по возвращении в Москву в конце 1939 г. он был отстранен от дел и стал скромным членом коллегии адвокатов. В 1941 г. Александровский пошел в народное ополчение, воевал, был ранен. Впоследствии он был арестован и погиб в заключении. Его честное имя было восстановлено лишь в последние годы.

Подведем итоги. Версия о «вкладе» Э. Бенеша в раскрытие «заговора военных» и содействии ему в этом С. С. Александровского практически отпала. Но все же, что писал президент в своих мемуарах, вышедших в Праге в 1947 г.? «Во второй половине января 1937-го» он узнал о переговорах «антисталинской клики в СССР – маршала Тухачевского, Рыкова и других» с немцами. Далее: «Я сразу же информировал советского посланника в Праге Александровского о том, что узнал из Берлина о беседах Мастны – Траутмансдорф». Неточностей много, но на всех останавливаться не будем: ведь мемуары писались уже после событий, и автор мог что-то забыть. Президент действительно информировал полпреда, но только в июле, то есть уже после раскрытия «заговора». Да и фамилия главного «заговорщика» не фигурировала. Не упоминалось имя М. Н. Тухачевского и в телеграмме из Парижа.

Остается таинственное «досье». В ряде работ зарубежных авторов, посвященных «делу Тухачевского», есть ссылки на другие беседы, будто бы имевшие место 7 и 8 мая между полпредом и президентом. Во время них якобы было передано досье для пересылки Сталину. Это утверждение вызывает сомнение хотя бы потому, что Бенеш – как видно из приведенных документов – ничего не говорил о майских встречах. Если бы полпреду было передано досье, то он бы не чувствовал себя так неловко во время бесед о «заговоре».

Следов передачи каких-либо документов в Архиве внешней политики СССР не обнаружено. Существовало ли вообще досье? Кстати, на самом процессе над «заговорщиками» в июне оно не фигурировало. Но, может быть, такое досье могло быть передано не через советское полпредство? В зарубежных публикациях существует версия, согласно которой подручные Ежова приезжали в мае 1937 г. за «досье» в Берлин. Но этот вопрос еще ждет исследования.

«Новое время», № 13, 1989 г.

Виктор Филатов

Как они готовили поражение своей собственной страны

«Пятая колонна» – метафора. Но без наличия «пятой колонны» Гитлер не начинал войну ни с одной из стран, которые потом он обязательно оккупировал. Главарей «пятой колонны» Гитлер назначал своими наместниками, которые правили в оккупированных странах от его имени. Квислинг – в Норвегии, Петен – во Франции... Сам термин «пятая колонна» возник во время войны в Испании в 1936–1939 годы. Один из главарей фашистских мятежников, генерал Э. Мола, командовавший четырьмя колоннами, которые наступали на Мадрид, объявил по радио, что у него есть еще пятая колонна в самом городе. Фашистский генерал имел в виду агентуру, которая занималась шпионажем, диверсиями, саботажем и в решающий момент должна была нанести удар с тыла. Во время Второй мировой войны в 1939–1941 годах «пятой колонной» называли фашистскую агентуру в различных странах, помогавшую германскому вермахту захватывать западные страны.

Была ли «пятая колонна» в СССР перед нападением на него Гитлера 22 июня 1941 года? Нет, не было. Ее Сталин ликвидировал на уровне так называемого военного заговора в 1937 году. Гитлеру пришлось начинать войну против нас практически без своей «пятой колонны». Записные историки насчитали «10 сталинских ударов» (почему – 10, только им одним известно), в результате которых фашистская Германия и все ее многочисленные союзники были разгромлены. Может быть, оно и так. Но вот не внесли эти историки в число «10 сталинских ударов» и разгром «военного заговора» под руководством Тухачевского.

Вам сейчас предстоит прочитать рукопись Тухачевского. В качестве показаний следствию она хранится в архивах чекистов. Так полно текст ее публикуется впервые. Почему написанному Тухачевским можно верить? Да еще как чистосердечному признанию? Во-первых, если бы изложенное им было архигосударственной тайной, показания Тухачевского опубликовали бы еще в 1937 г. Режиму, в политическом смысле, было выгоднее опубликовать, чем не публиковать это полностью. Во-вторых, то, что вы будете читать, – это уровень мышления не ниже начальника Генерального штаба, никакому следователю, будь он даже семи пядей во лбу, насильно такое надиктовать своему подследственному просто не дано.

Существует версия, будто «дело на Тухачевского» подбросил Сталину Гитлер через тогдашнего президента Чехословакии Бенеша. Все может быть. Но представляется, что Тухачевский все-таки был нужнее Гитлеру живой, чем мертвый. Сегодня «разговорился» чекистский генерал Судоплатов. Он утверждает, в частности, что физики, работавшие над атомной бомбой в США, сами передавали в СССР результаты своих исследований. Они хотели, чтобы у США и СССР были равные шансы в ядерном противостоянии. В арсенале Гитлера Тухачевский был той самой «атомной бомбой» в надвигающейся войне против СССР, если допустимо подобное сравнение.

Можно только гадать, кто из самого ближайшего окружения Гитлера «сдал» Тухачевского Сталину. В любом случае он был нашим другом. Нет «колонны», шансы на победу у Гитлера и Сталина во многом уравнились в 1937 г. – факт. Гитлер это, несомненно, знал. Но машина войны уже работала на полные обороты, вся экономика Германии была поставлена на военные рельсы.

Военный заговор, «пятая колонна» – все это снова стало сегодня актуальным. Например, Горбачев и его команда. Например, так называемая межрегиональная депутатская группа во главе с Поповым. Структуры, созданные в нашей стране американцем Криблом. Группа высших офицеров и генералов, на регулярной основе проходящих стажировку в США. Структуры, созданные в нашей стране американцем Соросом...

Это правда, Сталина еще нет, и сдавать их, как в случае с Тухачевским, пока некому... Впрочем, слово пока маршалу Тухачевскому.

ПОКАЗАНИЯ ТУХАЧЕВСКОГО М. Н.

1 июня 1937 года

Настойчиво и неоднократно пытался я отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности, но под давлением улик следствия я должен был шаг за шагом признать свою вину. В настоящих показаниях я излагаю свою антисоветскую деятельность в последовательном порядке.

I. Организация и развитие заговора.

Начало моих отношений с немцами относится к периоду учений и маневров в Германии, на которые я был командирован в 1925 г. Сопровождавший меня капитан фон Цюлов говорил по-русски, много раз останавливался на вопросе общих интересов СССР и Германии в возможной войне с Польшей, знакомил меня с методикой боевой подготовки рейхсвера и, в свою очередь, очень интересовался основами только что вышедшего Полевого устава РККА 1925 г.

В 1926 г. фон Цюлов присутствовал на маневрах в Белоруссии, где я встретился с ним и мы продолжали разговор. Я ознакомил фон Цюлова с организацией нашей дивизии, дивизионной артиллерии и с соотношением между пехотой и артиллерией. После маневров моя связь с фон Цюловым была утеряна.

Около 1925 г. я познакомился с Домбалем, командуя в то время Белорусским военным округом. Встречи и знакомства были короткие, если не ошибаюсь, в поезде, по пути из Минска в Смоленск.

В дальнейшем, когда я был начальником штаба РККА, Домбаль возобновил свое знакомство.

Во все эти встречи Домбаль постоянно возвращался к вопросам о войне между Польшей и СССР, говорил о том, что его, Домбалья, авторитет в рабочем классе Польши велик, что помимо того довольно значительные слои польского офицерства не сочувствуют Пилсудскому и что в этих слоях он также имеет большие связи, что он уверен в том, что в будущей войне наступающая Красная Армия встретит полную польскую пролетарскую революцию. Домбаль говорил, что он офицер-пулеметчик и всегда проявлял исключительный интерес к военному делу и к подготовке войны. В разговорах с ним я рассказывал об организации нашей дивизии, об основах современного боя, о методах нашей тактической подготовки, а также, говоря об условиях войны между нами и Польшей, указал на то, что мы должны были, в силу запаздывания в развертывании, сосредоточить на границах с Польшей крупные силы, которые я Домбалью и перечислил. Помимо того, я рассказывал Домбалью о различиях между кадровыми и территориальными войсками, как в отношении организации, так и в отношении прохождения службы и обучения. Таким образом, мною сообщены Домбалью данные о запаздывании нашего сосредоточения, дислокации частей в приграничных районах, организации кадровой и территориальной дивизии, прохождения службы и основы боевой подготовки кадровых и территориальных войск.

В 1928 г. я был освобожден от должности начальника Штаба РККА и назначен командующим войсками ЛВО.

Будучи недоволен своим положением и отношением ко мне со стороны руководства армии, я стал искать связей с толмачевцами. Прежде всего я связался с Марголиным во время партийной конференции 20-й стр. дивизии, в которой Марголин был начподивом. Я поддержал его в критике командира дивизии, а затем в разговоре наедине выяснил, что Марголин

принадлежит к числу недовольных, что он критикует политику партии в деревне. Я договорился с ним, что мы будем поддерживать связь и будем выявлять не согласных с политикой партии работников.

Летом 1928 г. во время полевых занятий, зная, что Туровский – командир 11-й стр. дивизии – голосовал за толмачевскую резолюцию, я заговорил с ним на те же темы, что и с Марголиным, встретил согласие и договорился с Туровским о необходимости выявления недовольных людей. Туровский указал мне на командира полка Зюка, которому он вполне доверяет. Я переговорил с Зюком и также условился с ним о связях и о выявлении недовольных.

Зимой с 1928 г. по 1929 г., кажется, во время одной из сессий ЦИКа, со мной заговорил Енукидзе, знавший меня с 1918 г. и, видимо, слышавший о моем недовольстве своим положением и о том, что я фрондировал против руководства армии. Енукидзе говорил о том, что политика Сталина ведет к опасности разрыва смычки между рабочим классом и крестьянством, что правые предлагают более верный путь развития и что армия должна особенно ясно понимать, т. к. военные постоянно соприкасаются с крестьянами. Я рассказывал Енукидзе о белорусско-толмачевских настроениях, о большом числе комполитсостава, не согласного с генеральной линией партии, и о том, что я установил связи с рядом командиров и политработников, не согласных с политикой партии. Енукидзе ответил, что я поступаю вполне правильно и что он не сомневается в том, что восторжествует точка зрения правых. Я обещал продолжать информировать Енукидзе о моей работе.

На протяжении 1929–1930 гг. я принимал участие в военно-научной работе при Толмачевской академии. Во время этой работы, на одном из докладов, в перерыве я разговаривал с преподавателем академии Нижечек, о котором Марголин говорил как о человеке, не согласном с политикой партии и которого следовало бы приблизить. Я начал прощупывать Нижечку, и мы очень скоро начали откровенно обмениваться мнениями о не согласных с политикой партии, особенно в деревне. Нижечек сообщил мне, что он связан с рядом преподавателей, настроенных так же, как и он, и что, в частности, так же настроен преподаватель Бочаров.

В 1928 и 1929 гг. я много работал над боевой подготовкой округа и, изучая проблемы пятилетнего плана, пришел к выводу, что в случае осуществления этого плана характер Красной Армии должен резко измениться. Я написал записку о реконструкции РККА, где доказывал необходимость развития металлургии, автотракторостроения и общего машиностроения для подготовки ко времени войны реконструированной армии в составе до 260 дивизий, до 50 000 танков и до 40 000 самолетов. Резкая критика, которой подверглась моя записка со стороны армейского руководства, меня крайне возмутила, и потому, когда на XVI партийном съезде Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе, подозревая меня во время перерыва, говорил о том, что правые хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, надо и мне законспирированно перейти от прощупывания командно-политических кадров к их подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых. Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы. Я принял эту установку, однако ничего конкретного предпринять не успел, т. к. осенью 1930 г. Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую работу и избегал поддерживать установившиеся связи.

В 1931 г. я был переведен в Москву. Работа начальника вооружений меня очень увлекла, однако недовольство отношением ко мне со стороны армейского руководства все еще продолжало иметь место, о чем я неоднократно разговаривал с Фельдманом, Якиром, Уборевичем, Эйдемманом и др.

В 1931 г. (осенью или в зиму на 1932 г.) в Москву приезжал начальник германского генерального штаба ген. Адам и его сопровождал офицер генерального штаба Нидермайер. После обеда, данного в честь гостя народным комиссаром, Нидермайер очень ухаживал за мной, говорил о дружбе Германии и СССР, о наличии общей военной задачи, выражающейся в обоюдной заинтересованности в поражении Польши, о необходимости наличия между Красной Армией и рейхсвером самых тесных отношений. Подошедший ген. Адам присоединился к этим соображениям, присоединился к ним и я. В дальнейшем я укажу, что ген. Адам в следующем 1932 г., когда я был на германских маневрах, вновь вернулся к этим разговорам.

В 1932 г. я продолжал неоднократные разговоры наедине с Фельдманом, критикуя армейское руководство, а в дальнейшем переходя и к критике политики партии. Фельдман высказал большие опасения по вопросу о политике партии в деревне. Я сказал, что это особенно должно насторожить нас, военных работников, и предложил ему организовать на платформе правых взглядов военную группу, которая могла бы обсуждать эти вопросы и принимать необходимые меры. Фельдман согласился, и таким образом было положено начало антисоветскому военно-троцкистскому заговору. Я сообщил Фельдману, что мною установлена связь с Енукидзе, который собой представляет руководящую верхушку правых.

В августе того же года я поехал в отпуск на Кавказ. На ст. Белан меня встретил командир ККА Смолин. Он жаловался на плохое отношение к нему наркома. В дальнейших наших разговорах выяснилось несогласие Смолина с генеральной линией партии, и я предложил ему вступить в группу, которую я нелегально сколачиваю в армии на основе платформы правых. Смолин согласился. Я спросил его, кого он считал бы возможным привлечь к нашей организации, и он указал на своего начальника Алафузо.

Алафузо охотно участвовал в разговоре, еще более сгущал краски, и я предложил ему наконец вступить в военную организацию, на что он и согласился, узнав ее правую платформу.

Насколько я помню, в том же 1932 г. мною был завербован в члены антисоветского военно-троцкистского заговора бывший заместитель начальника ВВС Наумов, которого я знаю давно, в частности и по ЛВО.

После отпуска на Кавказе я был командирован на большие германские маневры. Среди командированных был и Фельдман. В пути вместе со мной оказался и Ромм, которому Троцкий поручил связаться со мной. Ромм передал мне, что Троцкий активизировал свою работу как за границей, в борьбе с Коминтерном, так и в СССР, где троцкистские кадры подбираются и организуются. Из слов Ромма о политических установках Троцкого вытекало, что эти последние, особенно в отношении борьбы с политикой партии в деревне, очень похожи на установки правых. Ромм передал, что Троцкий просит меня взять на себя задачу по собиранию троцкистских кадров в армии. Между прочим, Ромм сообщил мне, что Троцкий надеется на приход к власти Гитлера, а также на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с советской властью.

После окончания германских маневров, на банкете, данном в честь гостей главнокомандующим рейхсвера Гаммерштейном, генерал Адам вновь возобновил со мной разговоры, начатые на банкете в Москве, о чем я уже сообщил выше. Генерал Адам подчеркивал серьезность, с которой он относится к обороноспособности Польши, и напирал на необходимость со стороны СССР самых действенных мер к подготовке войны.

Между тем в моей работе как начальника вооружений РККА имели место и значительные трения с германской стороной. Дело в том, что Уборевич и Ефимов провели заключение договора с фирмой «Рейнметалл» на продажу нам и постановку у нас на производство целого ряда артиллерийских систем. При испытании этих систем, производившихся одновременно с постановкой на производство, выяснилось, что они недоработаны. В связи со всем этим

я стал на точку зрения ликвидации договора с фирмой «Рейнметалл». В полученных нами перехватах германский посол Дирксен высказывал недовольство мной.

Благодаря моей критике заключенного с фирмой «Рейнметалл» договора, а в дальнейшем благодаря проведенному расторжению договора с этой фирмой я испортил отношения как с Уборевичем, так и с Ефимовым. Только тогда, когда я поставил вопрос о развертывании АУ в ГАУ (Главное Артиллерийское Управление) и выдвинул на должность начальника ГАУ Ефимова, Ефимов установил со мной товарищеские отношения. Фельдман неоднократно говорил мне о том, что Ефимов настроен враждебно к политике партии. Я использовал улучшение наших отношений и однажды заговорил с ним у себя в кабинете о плохой организации промышленности, о плохих настроениях в армии и т. п. Ефимов охотно вступил в разговор, критикуя партийное руководство. Я сказал Ефимову, что как правые, так и троцкисты сходятся на необходимости организовывать подпольную работу, чтобы сменить партийное руководство, что армия в стороне оставаться не может, и предложил ему, Ефимову, вступить в военную группу. Ефимов согласился.

Корка я завербовал летом 1933 г., во время опытных учений, организованных под Москвой штабом РККА. Следя за ходом учения, я стал критиковать боевую подготовку частей. Корк ответил, что он ведь уже говорил, что работа в округе у него не клеится. Я понял, что у Корка эти разговоры не случайны, стал его прощупывать, и мы быстро договорились. Я тогда не знал, что Корк уже был завербован Енукидзе. Я сообщил Корку, что имею связь с Троцким и с правыми, и поставил ему задачу вербовать новых членов в МВО...

Примерно к тому же времени относится и завербование мною в состав заговора Вакулича. Я уже несколько лет хорошо знал его, разговаривал с ним много раз в 1928 г. и знал его недовольство политикой партии в деревне.

Я предложил ему вступить в организацию военного заговора, возглавляемого мною, и Вакулич дал согласие. Я указал Вакуличу на мою связь с правыми и с троцкистами и поручил ему дальнейшую вербовку участников заговора.

По возвращению с Дальнего Востока Путны и Горбачева, кажется, это было в 1933 г., я разговаривал с каждым из них в отдельности. Путна быстро признал, что он связан с Троцким и со Смирновым. Я предложил ему вступить в ряды военно-троцкистского заговора, сказав, что по этому вопросу имеются прямые указания Троцкого. Путна сразу же согласился. В дальнейшем, при его назначении военным атташе, перед ним была поставлена задача держать связь между Троцким и центром военно-троцкистского заговора.

Если не ошибаюсь, около этого же времени я имел разговор со Смирновым И. Н., который сказал мне, что он, по директивам Троцкого, стремится дезорганизовать подготовку мобилизации промышленности в области производства снарядов.

Горбачев, о неважных настроениях которого я уже и раньше слышал от Фельдмана, очень быстро стал поддаваться на прощупывание, и я понял, что он завербован. На мое предложение вступить в ряды заговора он ответил согласием и сообщил, что им организуется так называемый дворцовый переворот и что у него есть связь с Петерсоном, комендантом Кремля, Егоровым, начальником школы ВЦИК, а также с Енукидзе.

Примерно в тот же период, т. е. в 1933–1934 гг., ко мне в Москве зашел Ромм и передал, что он должен сообщить мне новое задание Троцкого. Троцкий указывал, что нельзя ограничиваться только вербовкой и организацией кадров, что нужна более действенная программа, что германский фашизм окажет троцкистам помощь в борьбе с руководством Сталина и что поэтому военный заговор должен снабжать данными германский генеральный штаб, а также работающий с ним рука об руку японский генеральный штаб, проводить вредительство в армии, готовить диверсии и террористические акты против членов правительства. Эти установки Троцкого я сообщил нашему центру заговора.

В 1933 г. у меня был первый разговор с Бухариным. Мне с Поповым пришлось пойти на квартиру к больному Бухарину. По согласовании вопроса о телемеханическом институте мы с Поповым стали прощаться. Бухарин, пока Попов шел к двери, задержал меня за руку и скороговоркой сказал, что ему известно о моей работе по организации военного заговора, что политика партии губительна, что надо обязательно убрать Сталина и что поэтому надлежит всячески форсировать организацию и сколачивание заговора.

Эйдемана я завербовал в 1932 году. По получении директивы Троцкого о вредительстве, шпионаже, диверсиях и пр. Эйдеман просил дать ему директивы о его деятельности в Осоавиахиме. Обсудив этот вопрос в центре, мы поставили основной задачей Эйдеману увязку его вредительской работы с Каменевым, с тем чтобы, кроме плохой защиты объектов в отношении ПВО, была бы дезорганизована и общественная деятельность по ПХВО. Помимо того Эйдеману была поставлена задача дезорганизации допризывной подготовки, занятий с командным составом запаса и, наконец, организации диверсионных групп в отрядах Осоавиахима.

Эйдеман сказал мне, что он вполне надеется на присоединение к нам Аппоги. Я на том же пленуме заговорил с Аппогой и сразу почувствовал, что он уже завербован. На мое предложение войти в организованную мною группу Аппога ответил согласием. Тогда я информировал Аппогу о составе членов группы и о политических право-троцкистских установках. Зная, что у Аппоги очень хорошие отношения с Каменевым С. С., я просил его постараться обработать Каменева.

В дальнейшем Аппога получил задачу проводить вредительство в ж. д. войсках, срывать строительство железных, шоссейных и грунтовых дорог военного значения, готовить на время войны диверсионные группы для подрыва мостов и, наконец, сообщить германскому и японскому генеральным штабам данные о железнодорожных перевозках на Дальний Восток и к западным границам. В 1933 г., во время посещения мною железнодорожного полигона в Гороховце, Аппога сказал мне, что данные о наших перевозках по железным дорогам германскому и японскому генеральным штабам им, совместно с работниками НКПС, сообщены. Какими путями были переданы эти данные и кто из работников НКПС принимал в этом участие, Аппога мне не говорил, а я не спросил.

После опытных учений 1933 г., в начале зимы, ко мне в кабинет зашел однажды Каменев С. С. и стал говорить о своих выводах по опытным учениям. После длительного разговора Каменев долго еще не уходил, и я понял, что он хочет поговорить о чем-то другом. Я ему сказал: «Очень советую вам, Сергей Сергеевич, держите поближе связь с Аппогой», — на что Каменев ответил, что с Аппогой он связан очень тесно, но что также хочет связаться и со мной. Я начал говорить об ошибках армейского и партийного руководства, Каменев стал вторить моим словам, и я предложил ему стать участником заговора. Каменев сразу же согласился. Я сказал ему, что мы будем считать его членом центра заговора, сообщил ему мои разговоры с Енукидзе и Бухариным, а также с Роммом.

Первоначально Каменеву была поставлена задача вредить в области военного хозяйства, которым он руководил как третий заместитель наркома. Затем большую вредительскую работу Каменев развернул как начальник ПВО. Противовоздушная оборона таких важнейших объектов, как Москва, Ленинград, Киев, Баку, проводилась им таким образом, чтобы площадь, прикрываемая зенитным многослойным и однослойным огнем, не соответствовала наличным артиллерийским зенитным средствам, чтобы аэростаты заграждения имелись в недостаточном числе, чтобы сеть ВНОС имела не собственную проводку, а базировалась на сеть Наркома связи, и т. п.

Рохинсона я вовлек в состав участников заговора в 1933 или 1934 г. Я слышал от Фельдмана, что Рохинсон по всему его прошлому и по его учебе в Академии имеет характер неустойчивого коммуниста, которого, вероятно, без труда удастся вовлечь в заговор. Я неод-

нократно заговаривал с Рохинсоном как во время опытов на полигоне, так и при его докладах у меня в кабинете. Достаточно прощупав его, я предложил ему вступить в военный заговор, и он согласился. Рохинсон вовлек в заговор и привлек к вредительской работе Гендлера и Либермана.

Вовлечение в заговор Примакова состоялось в 1933 или 1934 г., когда Примаков был переведен в Москву. Примаков сообщил, что он в своей троцкистской деятельности связан с Казанским, Курковым, Шмидтом и Зюком.

После разговора с Примаковым я связался с Пятаковым, который повторил мне ту же информацию, что уже сообщил Примаков. Пятаков сказал, что он очень озабочен вопросами вредительства в оборонной промышленности, что по химии он и сам знает, что надо делать, а вот что касается артиллерийской промышленности, то он просит, чтобы Ефимов, об участии которого в заговоре я сообщил Пятакову, крепко связался с Ерманом и Кражевским, работавшими в ГВМУ. Это поручение я передал Ефимову.

В зиму 1933 на 1934 г. Пятаков передал мне, что Троцкий ставит задачу обеспечить поражение СССР в войне, хотя бы для этого пришлось отдать немцам Украину, а японцам Приморье. На подготовку поражения должны быть сосредоточены все силы как внутри СССР, так и вне; в частности Пятаков сказал, что Троцкий ведет решительную линию на насаждение своих людей в Коминтерне. Пятаков сказал при этом, что, конечно, эти условия означают реставрацию капитализма в стране.

По мере получения директив Троцкого о развертывании вредительской, шпионской, диверсионной и террористической деятельности центр заговора, в который кроме меня входили в порядке вступления в заговор Фельдман, Эйдеман, Каменев, Примаков, Уборевич, Якир и с которым были тесно связаны Гамарник и Корк, давал различным участникам заговора установки для их деятельности, вытекавшие из вышеуказанных директив. Члены центра редко собирались в полном составе исходя из соображений конспирации. Чаще всего собирались отдельные члены, которым по каким-либо служебным делам приходилось встречаться.

Таким образом, развивая свою платформу от поддержки правых в их борьбе против генеральной линии партии, присоединяя к этому в дальнейшем троцкистские лозунги, в конечном счете антисоветский военно-троцкистский заговор встал на путь контрреволюционного свержения советской власти, террора, шпионажа, диверсии, вредительства, поразительной деятельности, реставрации капитализма в СССР.

В 1934 г. Ефимову была поставлена задача организовать вредительство по линии артиллерийского управления, в частности, в области некомплектного приема элементов выстрела от промышленности, приема продукции без соблюдения чертежей литер и т. д., а также было предложено передать немцам данные о численности наших запасов артиллерийских выстрелов. Помимо того, в зиму с 1935–1936 г. я поставил Ефимову и Ольшевскому задачу подготовить на время войны диверсионные взрывы наиболее крупных арт. складов.

Туровский в 1936 г. сообщил мне, что Саблиным переданы планы Летичевского укрепленного района польской разведке.

Алафузо передал польской и германской разведке, какими путями, не знаю, данные об авиации и мех. соединениях, а также об организации ПВО в БВО и КВО.

Перед центром военного заговора встал вопрос о том, как организовать связь с иностранными и особо с германским ген. штабом во время войны. Такие связи были намечены.

Центр антисоветского военно-троцкистского заговора проводил и диверсионную работу исключительно по линии существующих органов управления в РККА, не допуская никакого образования комиссий, групп и т. п. Вся работа должна была приводиться исключительно в системе текущей утвержденной работы, вкладываться в ее сметы, средства и сроки.

Там, где вредительство велось удачно, там к концу года обычно оставались крупные неиспользованные кредиты.

В 1935 г., поднимаясь по лестнице на заседание пленума ЦК, на котором рассматривался вопрос Енукидзе, я встретил последнего, и он мне сказал, что в связи с его делом, конечно, весьма осложняется подготовка «дворцового переворота», но что в связи с тем, что в этом деле участвует верхушка НКВД, он, Енукидзе, надеется, что дело не замрет. Между прочим, Енукидзе сказал, что он рекомендует мне связаться с Караханом, доверенным человеком, т. к. Карахан хорошо информирован в вопросах международной политики.

После всех указаний Енукидзе я стал следить за разговорами Ягоды, но ни одного прямого разговора с ним не имел. Две реплики Ягоды, как мне показалось, намекали на то, что он знает о моей роли в военном заговоре. На банкете по случаю 60-летия Калинина Ягода спросил меня: «Ну как дела, главный из борцов?» – а в 1936 г. во время парада на Красной площади сказал: «В случае надобности военные должны уметь подбросить силы к Москве», – в чем я понял намек на поддержку «дворцового переворота».

Завербовав Белицкого, я поручил ему помогать Эйдеману в осуществлении его вредительских задач.

Вольпе я завербовал в 1935 г., после того как его долгое время обрабатывал Белицкий. Геккера и Чайковского я завербовал в 1935 г.¹

Уборевич и Якир раскритиковали состав центра заговора. Они находили этот состав слишком «беспартийным». Якир считал необходимым усиление не только центра, но даже и рядового состава людьми с большим партийным и политическим весом.

Ставил Якир и вопрос о том, не правильнее ли центру антисоветского военно-троцкистского заговора слиться с центром правых или троцкистов.

Я указал Якиру, что было бы очень важно для центра военного заговора, чтобы Якир перевелся в Москву, тем более что ему делалось предложение занять должность начальника ВВС и заместителя наркома. Однако Якир при поддержке Уборевича с этим не согласился и категорически как перед Ворошиловым, так и перед Сталиным поставил вопрос о своем несогласии, и предложение было взято обратно. Якир считал более важным сохранить за собой КВО. Благодаря этому руководство заговора упустило возможность серьезно проникнуть в аппарат УВВС.

¹ В документе описывается, как позже были завербованы Ольшанский, Сергеев и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.